

С М Е Ш И А

11-12
1944

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Центральному Комитету Ленинского Коммунистического Союза Молодёжи Украины

Центральный Комитет ВКП(б) шлёт свой привет комсомолу Украины в день его двадцать пятой годовщины.

Четверть века комсомолы и комсомолки Украины работают и борются под руководством ленинской партии и свято хранят заветы Ленина.

В дни Отечественной войны молодёжь Украины в рядах Красной Армии и в партизанских отрядах, вместе со всем советским народом, героически борется против немецко-фашистских поработителей.

Центральный Комитет ВКП(б) выражает уверенность в том, что молодёжь Украины и её передовой отряд — комсомол будут и впредь отдавать все свои силы на дело окончательного разгрома врага, полного освобождения всей Советской земли от немецких захватчиков и быстрого восстановления народного хозяйства, разрушенного фашистскими мерзавцами.

ЦК ВКП(б) уверен, что комсомол будет и впредь верным помощником ленинской партии по воспитанию молодёжи в духе верности социалистической Родине и беззаветного служения советскому народу.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВСЕСОЮЗНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (большевиков).

Указ Президиума Верховного Совета СССР

О награждении Ленинского Коммунистического Союза Молодёжи Украины орденом Красного Знамени

В ознаменование 25-ой годовщины Ленинского Коммунистического Союза Молодёжи Украины и за заслуги в деле организации молодёжи Советской Украины в период Отечественной войны на активную борьбу против немецко-фашистских захватчиков, наградить Ленинский Коммунистический Союз Молодёжи Украины орденом Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН.

Москва, Кремль, 26 июня 1944 г.

Ленинскому Коммунистическому Союзу Молодёжи Украины

Центральный Комитет ВЛКСМ горячо приветствует комсомольцев и молодёжь Украины в день 25-летия Ленинского комсомола Украины.

Под руководством большевистской партии комсомол Украины на протяжении всей своей истории воспитывает молодёжь Украины в духе высокого сознания патристического долга перед социалистической Родиной, в духе беспредельной преданности делу Ленина—Сталина.

Молодёжь Украины и её передовой отряд — Ленинский комсомол Украины с честью выдержали суровую проверку в дни Отечественной войны против немецких захватчиков. По призыву товарища Сталина, в боевых рядах украинского народа, плечом к плечу со своим старшим братом — русским народом, со всеми народами Советского Союза молодёжь Украины поднималась на защиту Родины и в суровых боях с врагом проявила высокое мужество, стойкость и бесстрашие.

Тяжелые испытания войны не сломили, а ещё больше закалили волю молодёжи к борьбе. В рядах героической Красной Армии молодые патриоты Украины храбро сражались против немецких поработителей. В суровые дни оккупации советской молодёжь Украины мужественно боролась с подлым врагом. В партизанских отрядах, в тылу врага она защищала свободу, честь и независимость нашей Отчизны. Героические подвиги Молодой гвардии краснодонцев и других юношей и девушек Украины навсегда войдут в историю Отечественной войны, как примеры беззаветной преданности Родине.

После освобождения Украины от немецко-фашистских захватчиков украинская молодёжь единодушно поднималась на восстановление разрушенного врагом хозяйства республики. На фабриках, заводах и шахтах, в колхозах, совхозах и МТС, в школах и других культурных учреждениях юноши и девушки Украины с воодушевлением помогали возрождению свободной, самостоятельной жизни.

Центральный Комитет ВЛКСМ выражает уверенность, что комсомолы Украины — верные сыны и дочери советской Родины с ещё большей энергией будут организовывать молодёжь на борьбу за окончательный разгром немецких захватчиков, приложат все силы, чтобы вновь сделать Украину цветущей республикой, будут и впредь с честью выполнять свою роль помощников большевистской партии в деле воспитания молодого поколения.

Смерть немецким захватчикам!

Да здравствуют комсомолы и молодёжь Украины!

Да здравствует наша могучая Родина — великий, нерушимый союз свободных республик!

Да здравствует нерушимая дружба народов нашей страны!

Да здравствует наша славная большевистская партия Ленина — Сталина!

Да здравствует наш родной отец, учитель, вождь и полководец великий Сталин!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВЛКСМ.

С М И Е Ш А

№ 11—12

Июнь

1944 год

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Фото С. Раскина.

Четверо друзей-гвардейцев составили экипаж одного из танков И-ской части. Люди разных национальностей, они крепко связаны братской фронтовой дружбой, великой любовью к матери-родине. Главные гвардейцы-танкисты отличались в боях за освобождение Молдавии и при форсировании реки Прут, а сейчас успешно боют танковыми на румынской территории. На снимке — гвардейцы-танкисты. Слева направо: боевой стрелок младший сержант Василий Мулин (русский), радист младший сержант Василий Сидоренко (Украинец), механик-водитель младший сержант Пётр Ильиничев (бурят) и командир танка младший лейтенант Юзур Манисалиев (башкир).

Александр Яшин

ДРУЖБА

Когда враги на нас напали,
Стирали сёла наши враги,
Сильней друг другу руку сжали
Азербайджанец и казах.

Когда потоки детской крови
По вилхам немцев разливал,
Узбек сурово сдвинул брови
И горец песню оборвал.

Когда мы с боем отступали,
Несли в душе тяжёлый груз,
Друг другу помощь подавали
Украинец и белорус.

Теперь мы все — в одном стремлении,
В одном движении — вперёд!
Неудержимый в наступлении,
Идёт на запад наш народ.

Вперёд! — гремит металла Урала,
Сержант шапки казака,
Книжал кавказского закала
И русский штык сибиряка.

Вперёд и в холод и в нежность,
До полной гибели врага,
За нашу дружбу,
Наше счастье,
За наши нивы и луга!

«РУССКОЕ ЧУДО»

«Мы в битвах решаем судьбу поколений».

Испоминалось трёхлетие войны на советско-германском фронте. И теперь необходимо призвать на помощь воображение, чтобы воскресить в памяти Европу первой половины 1941 года, до изоблиточного нашествия Германии на нашу страну.

Гитлер был полновластным победителем во всей Западной Европе. Немцы торжествовали. Вся Германия, а с ней и другие державы фашистской «оси» были охвачены огульным фашистским триумфом. Под гитлеровским сапогом Западная Европа замерла, оцепенела. Казалось, впрямь наступило то таинственное царство тьмы, которое превращает Гитлера в своих речах, упоительный несельский успехом. Он говорил, что создаст господство немцев над всей Европой, над всем миром, это будет новый порядок германского фашизма, и он будет стоять тысячу лет,— не менее.

Губокое уныние овладело народами Западной Европы. Правда, не все верили в победу Гитлера, Англия не склонилась. Америка готовилась к выступлению. Но никто не решился заглянуть в будущее. Народы где-то в глубине души ахалили надежду на спасение,— потому лишь, что непонятной казалась эта власть немцев над миром. Но никто не знал и не мог указать, откуда придет спасение, где, в чём та реальная сила, которая сломит торжествующее германское чудовище.

Гитлер определял сроки своей окончательной победы. Он развратил обий стратегический план завоевания мира. Огрывающие мрак свой несоблюдённости, германские войска вместе с войсками сателлитов собирались пройти через Советский Союз,— попутно в течение 6-8 недель захватить Москву, Ленинград, Киев, Кавказ, — в Иран, потом к границам Индии. Туа же должны были подойти войска Муссолини через Египет, в Индия предполагалась встреча с союзниками по «оси» — с войсками Японии.

Это было, по плану гитлеровской стратегии, финна мировой войны. Гитлер назначил его сначала на конец 1941 года, потом — на 1942 год. Инициатива была его рука. Он был убеждён, что решат судьбу мира, и он обещал немецкой молодёжи, что обеспечит ей привольную, сытую, пляную и разгульную жизнь.

В противоположность немцам, вворачивая в скорый конец войны, некоторые публицисты английской и американской печати мрачно писали о новой 30-летней и даже 100-летней войне.

Такова была картина Европы три года назад, когда нежданно, вероанно гитлеровские орды обрушились на Советский Союз. Красная Армия оказала героическое сопротивление и своим мужеством, бесстрашием изумил мир. Нам выражали горячие сочувствие все свободоязычные народы. Англия и США обещали нам помощь. Но далеко не все были уверены в том, что помощь последет. В США слышались голоса, что помощь, которую дадут американские танки, машины, товары попадут в руки победителей — немцев. Некоторые не ожидали коренного поворота в событиях, что наступит на Советский Союз. Ожидали лишь, что война на востоке даст возможность подготовиться на зявляе силы для будущего решающего удара.

Так было. И вот о близящих грозах окончания войны говорит теперь союзник, а немцы уныло, и сами себе не веря, возлагают надежды на 30-летнюю войну. Это, что Германия проиграла войну и не может думать о победе. Они думают лишь о своём спасении. Ясно, что полный и окончательный разгром гитлеровской Германии может быть достигнут ещё в 1944 году. Красная Армия создала все условия для этого. Новые взрывы войны, которые немцы ждут, что последний, смертельный удар будет нанесён гитлеровской Германии в 1944 году.

Три года назад англичане с тревогой ожидали вторжения немцев через Атлантику. Они не мечтали тогда о лордании англо-американских войск на континенте Европы. Новые взрывы войны, союзников осуществилось, а немцы уже не надеются сбросить англо-американский деант в море.

Германские войска совершили за три года путь через Советскую страну — до Волги и обратно. Туа они наступали, обратно их твкали. Несколько миллионов немцев не вернулись. Инициатива вымита из рук Гитлера, все его стратегические планы провалились, свидание фашистских друзей в Индии не состоялось. Германия потеряла поражение, какого не было в истории. Не только лопнула, как мыльный пузырь, миф о непобедимости германской армии, — мифической оказалась хваленая salva германской армии. Немские генералы с превеликим конфузом попадали в такие окружения, перед которыми Канни кажутся военной потехой. Это же такое произошло за три года, с июля 1941 года по март 1942 года? «Русское чудо», — говорят некоторые иностранные военные обозреватели. Эти слова попали в ход.

Немцы должны как-то объяснить своё ошеломительное падение с вершин войны успеха в пропасть. Они боялся понять причину своего падения и сматывают на случайности войны, на всекие внешние условия вроде пресловутого «климата» на перемыши военного счастья и т. п.

Это ничего не объясняет. Не может быть ничего случайного в систематическом и непрерывном поражении немцев. Они биты во все времена года. Они биты во всех положениях. Они браны Севастополе 250 дней и отдален его в три дни. Они мчались под ударами через советские реки и не могли задержаться ни на одной. Они были три года назад сильнее Красной Армии в технике и в численности — и стали слабые.

Объяснение простое. Красная Армия во всех отношениях сильнее германской. Советский народ во всех отношениях обладает превосходством над немецким народом.

Это и есть «русское чудо».

То, что ошеломило немцев и показало чудом нашим союзникам, пролилось и предсказала товарищ Сталин. Три года назад, в самом начале войны товарищ Сталин говорил, что германская армия может быть разбита и будет разбита. Это стальнойе предвидение блестяще осуществляется советскими войсками, одерживаящими одну за другой великие победы.

«Красная Армия, — говорится в сообщении Совинформбюро, опубликованном к трёхлетию войны, — сорвал в первый

период Отечественной войны гитлеровские планы разгрома всей Европы, окружения и похоронива в последующий период оборонительную стратегию врага, его расчёты на закрепление захваченных советских территорий. Немско-фашистская армия оказалась битой и стоит теперь перед полным разгромом».

Товарищ Сталин не только предвидел и предсказал путь побед Красной Армии. Он проложил этот путь мудростью великого полководца. Он повёл свой народ по этому пути и привёл его к торжеству над врагом.

«Русское чудо» не родилось само собой. Оно сотворено русским, советским народом по плану партии Ленина—Сталина. «Русское чудо» подготовлено всей предшествующей историей русского народа и в особенности 26 годами советской власти.

Гитлеровцам не угодно было видеть подлинное, реальное советское государство. Они предпочитали гитлеровским своей невежественной фантазии. Они и хотели и не могли понять того, что происходило в нашей стране. Они предпочитали верить тому лозунгу о Советском Союзе, который сами сочинили. Они относились именованно и чиниво к русскому народу, ко всем славянским народам. Они выдвигали себе в свои тупые головы, что выше немца ниэ ничего на свете, что только немцы — воины, только немцы — организаторы, только немцы — господа, а все прочее — это непонятное создание, придуманные рабы.

В этих понятиях гитлеровцам растаял свой модадеж. Им была убеждена, что это воспитатели настоящих воинов. Но в действительности они воспитывали молодых разбойников, бандитов.

Партия большевиков, советское государство воспитывали свои модадеж в понятиях героического труда и самостоятельной любви к родине. Сталин учит советскую молодёжь бесстрашию, честности, ленинским качествам большевика.

В боях 1941—1944 годов в смертельной схватке сошлись молодые советские и молодые немецкие поколения. Советский человек выстоял в бою с немецким разбойником. Советского воина вдохновлял Родина. Немецкого — облизывает разбой.

Результаты являлись. Спорить больше не о чём. Совершилось «русское чудо». Немцыкая молодёжь, которую учили разбойничать, оказалась слабое советской молодёжи, которую учили трудиться. У советского воина крепче рука, зорче взгляд,— потому что он не знает страха, потому что благородны его помыслы. Советский воин культурнее, он бьётся и будет бить немецкого дикаря с автоматом.

«Русское чудо» совершилось потому, что советский народ совершает чудеса на фронте и в тылу. Чудесно государство советского народа! Чудесна советская жизнь!

Ныне в битвах решается судьба поколения. Разгром гитлеровской Германии должен быть полным и окончательным. Фашистский ранний зверь должен быть добит в его берлоге и берлога должна быть уничтожена, чтобы салдов её не остались. Наше поколение борется самоотверженно, чтобы обеспечить будущим поколениям безопасность, обеспечить советский путь развития, культуры, благоосостояния и счастья.

«Дух предков»

Шкафчик работы художника Н. ЗИНОВЬЕВА (Палех)

СОНЕТЫ

«Красива, град Петров, и стои
Неколебимо как Россия!»

(Пушкин.)

1
Казалось, конца не будет тревоге.
Вне себя, в крошечной коварской мгле,
«Онkersы» выли, и в город дорога
Ни до моря не было, ни по земле.

Но голос его, через вал блокады
Пробившись, проляз заслон бомбовой,
Победно гремел в рупорах Ленинграда,
Уверенный, азкой, живой.

И постовые взыскать с вышек
(О, как им хотелось его услышать!):
«Как там? Что он говорит сейчас?»
И мы торжественно в трубку кричали,
Что всё расскажем потом, что Сталин
О нас сейчас говорит, о нас!

2

Скажи, кто звать, кто думать мог,
Что фронт к окраине шагнёт,
Что смерть смерти с семи дорог
Безмолвно встанут у ворот,

Что заселит снега и льды
Проспекты, площадки, сады,
Что в трубах замерзнет вода,
Что останутся суда
В застывшем намертво порту,
Что голод поднесёт ко рту
Червь истощенный кусок...
Кто выжить смог бы? Город смог.
Он ждал, он ждал терпелив спор
Семи смертям наперекор.

3

Ты помини осаждённый город,
Сраен разноголосый вой,
Снает бомб,
Угрюмый гул моторов
И в небе ответ огневой?..

Ты помини, как кричали дети,
Как, тьму крошечную кляня,
Мы
Матерей полуодетых
Оттаскивали от огня?..

В ту ночь
Из тьмы
Пришла к нам ярость.
Она
Над мёртвыми склонилась,
Живым приказывала:
Мстят!
Она потом со мной шла рядом
Сквозь зяминий мрак. И ад блокады
Мне помогла перенести

4

Лягушкий, побалый гул
Можучих залпов Ленинграда
Я,
Как святыню, как награду,
Навеки в сердце сберегу.

Ещё работают штыки,
Скверная дело мести правды,
Идут дорогой русской славы
Ад
Одолешиве полки;

Идут аперёд... И над рекой
Неколебим вояной покой,
Не слышно больше канонады
И в асы свинные громады
Пустынных улиц, и света
Адмиральская игла.

Ленинград—Красноярск.
1941—1944 гг.

ЛЕТНИЙ БРИЗ

Рассказ

Рис. Г. Вайка

Весь день шёл дождь с холодным, порывистым ветром. Такая погода часто бывает в Москве в начале мая. Всё было серое — небо, дым над крышами, самый воздух. Только асфальт блестял, как чёрная река.

К старому, одинокому доктору в большой дом на набережной Москвы-реки пришла молодой военной моряк. В 1942 году моряк был тяжело ранен во время осады Севастополя и отправлен в тыл. Доктор долго лечил его, и, в конце концов, они подружались. Сейчас моряк приехал на несколько дней из Черноморского флота. Доктор пригласил моряка к себе на бутылку кахетинского и оставил ночевать.

В полночь радио сообщило о взятии нашими войсками Севастополя. Салют был назначен на час ночи — тот час, когда улицы Москвы совершенно пусты.

Дождь перестал, доктор и моряк беседовали, сидя в полуоткрытом кабинете.

— Любимчик, — сказала доктор, допивая вино, — о чём думает человек, когда он тяжело ранен. Вот вы, например, о чём вы думали тогда под Севастополем?
— Я больше всего боялся потерять коробку от папирос «Казбек», — ответил моряк. — Вы, конечно, знаете, там на этикетке нарисован Казбек, покрытый снегом. Раняло меня на рассвете. Было ещё свежо после ночи, в тумане светило раннее солнце, надвигалась знойная, тяжёлая день. Я терял много крови, но думал об этой коробке и о сигаретах на Казбеке. Мне хотелось, чтобы меня зарыли в снег. Я был уверен, что от этого прекратится кровотечение и мне будет легче дышать. А солнце всё поднималось. Лежка я в тени от разрушенной ограды, и эти часы делалась с каждой минутой всё меньше. Наконец, солнце начало жечь мои ноги, потом руку, и я очень долго подымаю эту

руку и передвигаю её, чтобы закрыть ладонью глаза от света. Пока что я не чувствовала особенной боли. Но я твердо помню, что всё время беспокоился из-за коробки «Казбека».

— Да как вам скучно? Почти у всех новичков на фронте есть одна глупая привычка — на всём, что они таскают с собой, писать адреса родных. На чеках от противотанковых, полевых сумках, на подкладке пилоток. Всё кажется, что тебя убьют и не отыщется никакого следа. Поэтому это, конечно, проходит.
— Чей же адрес вы написали на вашей папиросной коробке? — спросил доктор и хитро прищурился.

Моряк покраснела и ничего не ответила.

— Ну, хорошо, — сказала поспешно доктор, — оставим этот вопрос.

В это время в квартиру позвонили. Доктор вышел в переднюю, открыл дверь. Молодой женский голос сказал, задыхаясь, из темноты:

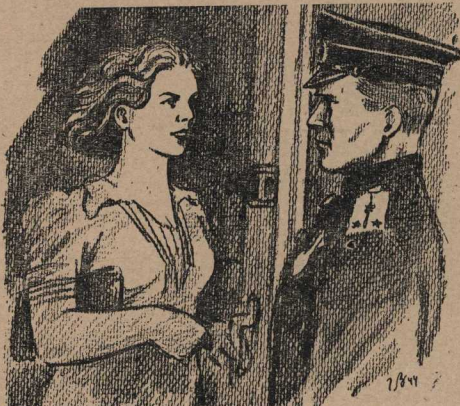
— Сейчас салют! Можно мне посмотреть на него с вашего балкона?

— Ну, конечно, можно! — ответил доктор. — Вы что? Вегем мчалась с третьего этажа на восьмой? Сердце себе хотите испортить? Погасите свет, — сказала доктор морщась из передней, — и пойдёте на балкон. Только накройте шинель. Дождь ещё не прошёл.

Моряк встала, погасила свет. В передней он поздоровалась с незнакомой женщиной. Пацаны их столкнулись в темноте. Женщина оступая нашла руку моряка и легко её пожала.

Вышли на балкон. Пахло мокрыми железными крышами и осенью. Ранняя весна цвета похота на осень.

— Ну, — сказала доктор, ёжась от дождя

Дверь открылась. За ней стояла очарованная женщина.

да, — что же всё-таки случилось с вашей королевой «Казбека»?

— Когда я пришла в себя, коробка исчезла. Должно быть, её выбросили санитары. Мои сестра, которая меня перевязывала. Но вот что странно...

— Что?

— Та... то есть тот человек, чей адрес был на коробке, получил письмо о том, что я ранена. Сам я ему не писала.

— Ничего странного, — сказала доктор. — Кто-то взяла коробку, увидела адрес и написала. История самая обыкновенная. Но вы, кажется, склонны придавать ей преувеличенное значение.

— Нет, почему жё? — смущался морьяк. — Но, в общем, это письмо было мне уже оказалось в то время ненужным.

— Почему?

— Да знаете? — ответила, покачав головой, морьяк, — любовь, как летний бриз. Днём он дует с моря на берег, ночью — с берега на море. Не всё же нас так преданно и терпеливо ждёт, как нам бы хотелось. Однако — заметка писематки доктор, — вы разговариваете, как записный поэт.

— Воже мой! — воскликнула женщина. — Какой вы прозаический человек, доктор!

— Нет, позвольте! — вскричал доктор. — Но в это время багровым огнём вспыхнула первая залп. Пушечный гром прокатился над крышами. Сотни ракет полетели, шквал под дождём, в мутное небо. Они озарили город и Кремль разноцветным огнём. Ракеты отражались в асфальте.

На несколько мгновений город вырвался из темноты. Появилось всё то, что жемчужным высоким дома выдали каждый день: Кремль, широкие мосты, церкви и дворец Замоскворецкий.

Но всё это было совсем другим, чем при свете дня. Кремль казался повисшим в воздухе и очень лёгким. Ускользающий блок ракет и дождевой туман смиткали ступени линии, что оборот, крепостных башен и колокольни Ивана Великого. Величественные здания потеряли тяжесть. Они возникли как вспышки света в пологом дыму окутаны. Они казались созданными из самого драгоценного камня, освещённого изнутри розовым огнём.

Когда потасала очередная вспышка, гасли и здания, будто они сами являлись источниками этого пульсирующего света.

— Прими феерия, — как-то сказала женщина. — Жаль, что салют в двадцать четыре выстрела, а не в то двадцать четыре.

Она помолчала и добавила: — Севастополь! Помните, какая так очень-очень прозрачная и злая вода? Особенно под корабль проходов. И запах помидоров зрелыми сухих запяток.

— То есть как это «злая»? — в Севастополе не был.

Женщина засмеялась и ничего не ответила.

— Но я-то всё это хорошо помню, — сказала морьяк. — Вы были в Севастополе?

— Примерно тогда же, когда и вы, — ответила женщина.

Салют окончился. Женщина ушла, но через несколько минут вернулась, похлопав на головную вилку, попросила у доктора пирамидона и снова ушла, смущённо порывшись.

Ночью морьяк прислушался, посмотрел за окно. Дождь прошёл. В разрыве между турами звёзд. «Меняется погода, — подумала морьяк, — поэтому и не спитесь». Он снова задумался, но загадочный протяженный голос сказал совсем рядом: «Какая так очень-очень прозрачная вода!» — и морьяк очнулся, открыл глаза. Никого в койнике, конечно, не было.

Он потянулся к коробке, прилипав на стуле. Она была пуста. Он вспоминал, что у него есть ещё палпироз в кармане шинели. Морьяк встал, нагнула халяг, висящих на спинке стула, вынул в переднюю заклепку свет. На столе около зеркала, на его морской фуражке лежала взорванная

и измятая коробочка «Казбека». Большое чёрное пятно закрывало рисунок снежной горы.

Морьяк, ещё ничего не понимая, взял коробку и открыл её, — палпироз в ней не было. Но на крышке с внутренней стороны он увидел знакомый адрес, лавинами огня собственной рукой. «Откуда она здесь? — подумал морьяк. — Неужели...» Пальцы то испугались, он быстро погасил свет и, зажав коробку в руке, вернулся в койку. До утра он уже не мог уснуть.

Утром морьяк ничего не сказал доктору. Он долго брякал, потом умылся холодной водой, и руки у него дрожали. «Глаз... — думала морьяк. — В бою они никогда не дрожат. Что за черт!»

Головой, пропитанный солнцем туман лежал над Морьяком. Она стояла настежь. В них алмазы ночи свежести. Утро рождалось в сыром блеске недавнего дождя.

Вас. Лебедев-Кумач

КОЛХОЗНЫЙ БРИГАДИР

Сидит колхозный паренёк,
В куларных гонимых,
Приземлет, ростом невысок,
Не боюк из слова.

Сидит, заснувшись слегка,
Смущённый и простой...
Все говорят про паренка:
— Работник золотой!

Недавно принял в комсомол.
Почти что пионер.
А до чего в работе зол —
Всем старикам пример!

Умеет пареня раскачать,
Поднять колхозный мир,
Тут пошутить, там пожелать,
— Ну, словом, командир!

— Он, брат, решит любой вопрос,
Ты не смотри, что тих.
Скажут по правде, наш колхоз
Пропал бы без такого!

За ним не хочешь, а пойдёшь,
Он всех поднимет, брат!
И стариков и молодёжь,
Солдаток и деваг.

У нас с посевом лучше всех,
Отметил нас район.
А почему такой успех?
Кто воевал? Всё он!

Тут паренёк из-за стола
Порывисто встал:
— Уж очень, дед, мои дела
Ты гостю расхвалил!

Вот, погоди, на фронт пойдёт,
А тут брат, чем не фронт?
Гаяды, медаль или звезду
Получишь за ремонт.

И стар, но я не так уж слеп,
Что не вижу, заслут.
Коль ты дашь для фронта хлеб,
И ты волеешь, друг!

Парнишка думал возражать,
Но слёз махнула рукой:
— Да браво ты, дед, меня хвалит!
Совсем я не такот!

Давая сначала про дела,
Шутить давая в конце!
И краска губы задала
Веснушки на лице.

В этом утре уже было преимущество лампового света, тёплых лампочек, прозрачных закатов, пыльных ветров в листьях, лежащего под ногами лилового цвета.

Морьяк почему-то был уверен, что это утро и не могло быть иным, Тышина на рассвете, такая редкая в Москве, не успевала, а в наборот, усиливала его волнение.

— Что, в самом деле, за черт! — сказала высоколос морьяк. — В конце концов бывает в жизни и не такие случаи.

Он догадывался, что эта Тышина работала осветителем сестрой в Севастополе, первая перевязала его, написала коробку с адресом и написала письмо той, другой женщине, забывшей его так легко и быстро. А черта она услышала его расказ, услышала его и нарочно прислала эту коробку «Казбека».

«Да, но зачем она её сберегла? И почему ничего не сказала? Об молодости, — решила морьяк. — И же сам люблю великие зрительные вещи. Надо обязательно зайти к ней и поблагодарить. Но тут же он понял, что понадобится отчаянная смелость, чтобы нажать кнопку звонка у её двери, и что он вряд ли на это решится». Через час морьяк вышел от доктора. Спустился по лестнице очень медленно. На третьем этаже он остановился. На площадке выходило три двери...

Морьяк с облегчением подумал, что он не спросил докторя, в какой квартире живёт эта женщина и как её зовут. Да и нельзя же зvonить подряд во все двери и спрашивать неизвестно кого! В это время из одной из дверей морьяк услышал знакомый голос. Он вернулся через час. Мама, — сказал тот голос. — Я не слышу вчуже. Здесь очень душно. Пойдю к реке.

Морьяк понял, что по сейчас, сию минуту, она выйдет и застанет его на площадке. Он бросился к двери и с отчаянием выскочил сердцем позвонка.

Дверь тотчас отворилась. За ней стояла прекрасная женщина. Её длинные волосы, когда он развезал лёгкое пальто женщинам, её волосы.

Морьяк молчал. Женщина вышла, захлопнула дверь, взяла его за руку и сказала:

— Пойдёмте. Я провожу вас. Я знала, что вы придёте.

— И хотел поблагодарить вас, — сказала морьяк. — Вы спасли меня там, в Севастополе. И послали по этому адресу письмо...

— И, кажется, послала неудачно? — улыбнулась женщина. — Вы на меня не сердитесь?

Она спускалась по лестнице. Женщина отпустила руку морьяка, поправила волосы.

— За что? — спросил морьяк. — Всё это очень странно. И хорошо...

Женщина остановилась, заглянула ему в глаза.

— Не надо волноваться, — сказала она тихо. — Хотя что я говорю! Я сама волнуясь не меньше вас.

Она вышла на набережную, остановилась у чужихих пирса. Космос, пролетевший розовыми стенами сквозь утреннюю мглу.

Женщина закрывала рукой глаза и молчала. Морьяк смотрел на её руку и думал, что на этих вот пальцах было, наверно, его кровь. На этих тонких и мелких пальцах.

Женщина, в наборот, усиливая его волнение.

— Никогда я не верю, что это бывает так... сразу. И что я увидю вас снова после Севастополя.

Морьяк взял её руку. Она слегка дрожала. Он поспешил отпустить и сказал, что не обращая внимания на прохладные. Прохожие шли мимо, как бы ничего не замечая. Только, отходя очень далеко, они украдкой оглядывались и смущённо улыбались.

Яков Хелемский

БАЛЛАДА О ВЕРБЛЮДЕ

В белорусском лесу я внезапно увидел верблюда...
 Как попал он сюда? Равнодушный, довольный собой,
 И жевал, шевеля бархатистой отвислой губой,
 Он с презрением глядел на коней, что стояли поодаль;
 Жёлтый пламень пустыни светился в верблюжьих глазах.
 Только выйдя из боя, дивизия стала на отдых.
 Жарко кухни дымилась. Дремал бойцы в блиндажах.
 И солдат рыбаватый, заметив моё удивление,
 Мне поведал о том, как в далёкой приволжской степи
 Шли полки по горячим, по зыбким путам отсушеяны,
 Только жажда и горечь повсюду, куда ни ступи.
 За сухими зыбками на солнце осенней блистала
 Даль озёр соляных — исподвизно застывшая глать,
 Словно слёзы России миллионными чистых кристаллов
 Препятствия дороге и дальше невольце отступать.
 Тупорылые стоблиды выли над степью всё чаще,
 Смерч кружил над воронками, смерти дальнее несё,
 И тогда верблюжонок, контуженный взрывом, дрожавший,
 Приблизился к полку. Подкормили его подхоذية,
 Отходили его и зачлслися в конный обоз.
 А когда в наступление по тем же дорогам зыбучим
 Устремилась дивизия, выстояв в горьком дыму,
 Шёл верблюд за колонной, военную кладью навьюченен,
 И приставил находч специальных ездовых к нему.
 Шёл верблюд по Кубани, под Курском шагала за обозом,
 Топал в льговских сугробах, от выюги под Фатежск слал,
 Привучался к обстрелам, к снегам, к среднеурским морозам
 И ташила терпеливо патроны, напорку и хлеб.
 А в жару под Орлом он совсем ободрился и ожил,
 На горбах под Унечей снаряды тяжёлые нес,
 И дошёл он с полками до самого берега Сома,
 И теперь он стоял средь осенних осин и берёз.
 Всё он вынес покорно — погод и широт перемены,
 Привыкшая к ездовым, в дороге замечто подрост,
 Лишь одним он грешил — к лошадям относился надменно,
 В остальном же по праву входил он в военный обоз.
 И закончил солдат: «Так верблюд путешествует с нами.
 Мы лоддем до границы. И на западе нашей земли
 Поглядим на него и припомним, как злыми пёсками
 Мы, теснимые немцами, до приволжской степи добрели.
 Вот куда заносило нас, вот мы вернулись отсюда,
 Вот какую мы памятку водим везде за собой...»
 А верблюд равнодушный стоял, как дугорбое чудо,
 И жевал, шевеля бархатистой отвисшей губой.

Действующая армия.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Комсомолец Дмитрий Вольнов был в числе героических защитников Севастополя, когда в 1942 году татарские орудия осаждали город и стояла черноморская твердыня. Из родного города он ушёл одним из последних. А вот в 1944 году Дмитрий снова вступил на родную землю Севастополя как освободитель.

Наша страна знавала вольновский момент встречи комсомольца Дмитрия Вольнова, Женика. Дмитрий пришел домой вместе со своим командиром Героем Советского Союза капитаном-лейтенантом А. Табуновым и другом А. Вострыным. У Женика радость нежданной встречи, и завязался душевный разговор...

Фото М. Редкина

МОЛОДАЯ ЮГОСЛАВИЯ

Рассказывать о молодости борющейся Югославии — это значит рассказывать о Народно-освободительной армии. Молодость и наша армия — понятия неразделимые. И не только потому, что Народно-освободительная армия Югославии — одна из самых молодых армий на земном шаре, и не только потому, что она олицетворяет собой молодость духа страны, не желавшей согнуть шею под ярмом фашизма, а и по той простой причине, что более трети четвертой этой армии состоит из молодежи.

Наша армия выросла из небольших, разрозненных партизанских отрядов, успешных в первую же фазу оккупации Югославии в горы и леса, чтобы сражаться с ненавистным врагом. Эти партизанские отряды, состоявшие главным образом из крестьян непокорявшихся районов, находив друг друга, объединялись, образовывая первичные подразделения будущей армии. Как магнит, они притягивали к себе все лучшее, что было и есть в Югославии — все молодое, сильное, свободолюбивое.

На первых порах существования Народно-освободительной армии привлекались в первую очередь те, кто в каждый раз, уходя из отбитого с боем какого-либо горного местечка или города, знали почти изнутри в своих рядах новых бойцов. Так, постепенно, к существующим партизанским отрядам присоединялись городские рабочие, студенты, представляли самых различных слоев югославской интеллигенции, школьники.

В боях за освобождение родины Народно-освободительная армия Югославии под командованием маршала Тито выросла в грозную силу. Силе этой силы содействовало более 300 тысяч бойцов. Она выдвигает теперь половину всей территории страны. Немцы вынуждены бросить против нас отборные дивизии, оснащенные артиллерией, авиацией и танками. В трудных, горных условиях, порою отрезанные от внешнего мира, ощущая острый недостаток боеприпасов и продовольствия, войны нашей армии героически сражаются с вооруженными до зубов немецкими оккупантами, перемалывая фашистские дивизии.

Где же черпает бодрость и силу армия народного освобождения? Где берет источник питания для ее боевым духом? Чтобы понять это, нужно знать историю освобождения Югославии с первых дней выступления оккупантов на нашу землю.

Народы Югославии любят свободу. Без национальной свободы они не мыслят своего существования. Подпольная борьба против оккупантов не прекращалась ни на один день, и еще с самого до организации в Югославии открытого фронта.

Молодежь была застрельщицей этой борьбы. Встречался сейчас с некоторыми командирами Народно-освободительной армии, и notably вспоминаю, как еще несколько лет назад они совсем безусыми юнцами приводили в бешеную немецких фашистов.

Недавно в боях с немцами пал смертью храбрых молодой командир батальона Анте Йонич. Он погиб уже в расцвете своей военной деятельности, награжденный во время битвы на горе Динара высшей награ-

Генерал-лейтенант В. Терзич.

дой в югославской Народно-освободительной армии — званием Народного Героя. Я вспоминаю Анте Йонича в первые дни войны. В городе Спитт козыничали итальянские оккупанты. Они чувствовали себя уверенно и прохладно. На городской набережной, перед фешенебельными отелями, в небольшом открытом павильоне, ежедневно с утра до вечера итальянский оркестр играл фашистские марши и песни. По набережной разгуливали итальянские офицеры с лапами. До оккупации Салита эта набережная была излюбленным местом прогулок горожан. Теперь местному населению показывалось здесь не рекомендуется.

Анте Йонич не мог этого спокойно видеть. Я должен испортить им настроение, — говорил он своим друзьям. — Что ты задумал? — спрашивал его. Но Анте в ответ лишь улыбался. Однажды вечером он появился на забой-

ной в виде огромного гуляки. Подошла к центру гуляки, к месту, где восседал оркестр, он выхватил из карманов и швырнул в группу офицеров одну за другой две ружьишки гранаты. Воспользовавшись тишиной, Анте бросился вперед с криком «Настраение!» фашистским фронтаном испортил настолько, что оркестр и офицеры больше здесь не появлялись, и набережная Салита снова стала доступной для горожан.

В оккупированной городе Лобание подпольная молодежная организация была очень сильна. В течение более года партизанские фашистские застрелывали в городе, несмотря на то что итальянцы держали здесь три дивизии и много полицейских. Партизаны имели в городе 150 металлических ячеек квартир, всемирно известные и военных сохраняли все признаки оккупационных властей, и те ничего не могли поделать.

Подпольная организация «VOS» (Варшавско-освободительная служба) — «Защитно-разведывательная служба» имела такую поддержку в народе, что раскряк ее оккупанты не смогли. И теперь на территории, захваченной немцами, действует организация «VOS» — тайный друг и помощник Народно-освободительной армии.

В юнг, когда немцы явились на Советский Союз, в Загреб (столица Хорватии) установил в знак солидарности с гитлеровскими устроили военный парад. Но установил — это не хорватский парад. Истинные патриоты-хорваты были среди нас со своими ружьями братьями. Савко Комар, загребский студент, вышел в этот день на улицу с бомбой, запертой в портфель. Он бросил бомбу в маршировавших усталих. Помянул его в знак уважения по именам Савко. Он отстреливался из пистолета и в конце концов, заступил свои следы, скрылся. Теперь загребского студента Савко Комар знает чуть ли не каждый молодой человек на освобожденной от оккупантов территории. Он один из руководителей Антифашистского союза молодежи.

Я мог бы без конца приводить примеры безаварийной храбрости молодых людей Югославии. В их любви к свободе, в их горячей ненависти к фашизму армия освобождения Югославии черпает свой боевой дух.

Наша армия — детище народа. В ней мы найдем и людей, сейчас шверные вилышки в руки винтовку, и хладнокровных военных, осознающих что только освобождение наша война против захватчиков — правый путь для солдата и офицера, любящих свою родину.

Я сам в прошлом офицер гвардии короля. Но когда оккупанты вступили на мою родную землю, я связал свою жизнь с жизнью народа. Его делу, делу освобождения, я привнес знания, полученные в Высшей военной академии в Белграде.

Привыкнув вместе со мной в Советский Союз член военной миссии генерал-лейтенант Милован Джилас находится в армии лишь с 1941 года. До этого он прошел большую школу подпольной антифашистской борьбы. Еще в 1933 году за участие в организации против реакционной диктатуры короля Александра Милован Джилас был заключен в тюрьму. Он находился в заключении три года. Благодаря изобретательности и большому активизму, он с еще большей активиз-

Маршал Иосип Броз-Тито среди членов Верховного штаба Народно-освободительной армии. Слева направо: Иосиф Рибар, Александр Ранкович, генерал-лейтенант Милован Джилас, маршал Тито, Сретен Жуйков (Черил), Андрия Хебранг, Моша Пишче и Эдуард Кардеж (Бел).

стью продолжала антифашистскую деятельность.

Есть в Народно-освободительной армии и такие офицеры, как 27-летний Славко Родич, крестьянин Западной Боснии, начавший войну командиром младшего партизанского отряда. Благодаря своему военному таланту он выдвинулся и сейчас командует бригадой. Есть у нас в армии и такие офицеры, как например молодой командир 6-й дивизии полковник Джока Йовичич. В области Лика он первый полка встал на путь сопротивления оккупантам.

У молодой Народно-освободительной армии молодые командиры. Маршал Тито внимательно присматривается к молодежи. Всё энергичное, полновозрастное имеет в лице маршала одобрения и покровительства. Тито каждому даёт возможность проявить творческую инициативу. И если он видит, что молодой командир оправдывает надежды, Тито расширяет перед ним самые широкие перспективы. Так Брми выдвинули многие молодые люди, которые теперь командуют полками, бригадами и корпусами. Бывало немцам на всех участках отпущено и полного неожиданности югославского фронта.

Молодёжь платит маршалу Тито преданность и горячий любовь. Нет сейчас в Югославии человека более любимого и любимого, чем маршал Тито. Народ говорит о нём: «Тито — человек, он может совершить ошибку, но он никогда не ошибается», «С Тито хорошо поспорить, потому что в любом споре он всегда является единственно правильным выводом».

И лично хорошо знает Тито и поэтому могут засвидетельствовать, что эти характеристики, рождённые в народе, правильны. Тито — человек открытой, доброй души. У него большая род толокновца. Он строг, но никогда не бывает несправедлив. Он верный сын своего народа. Он любит родную Югославию больше всего на свете и, став на защиту её свободы, отдаёт свой светлый разум и свой талант, и свою смелость, и все свои силы.

Югославский народ знает, ценит и любит маршала Тито. В маинское положение попала геббельсовская пропаганда, попятаясь она была в состоянии неопределённости, что Тито, вообще не существует, что это, дескать, — просто сокращённое название «Тайная интернациональная террористическая организация». Это «соединение» доставило всем нам много несчастливых минут. Бойцы Народно-освободительной армии и граждане Югославии на оккупированной территории молят лишь лишь убедитесь в «миссии» уместивших способностях гонимых, послуживших на звание мира. Немцы не могут, очевидно, понять, что никакие провокации, никакие вылазки не поведут к популярности Тито.

Чувства югославских патриотов, их любовь к своему полководцу хорошо выразил 68-летний югославский поэт Владимир Назор в своём «Марше Тито», посвящённом на музыку молодому композитору Оскаром Даномом. Этот «Марш Тито» распевают бойцы Народно-освободительной армии. Его тайно разучивают патриоты оккупированных областей. Вот слова марша:

Партизанский отряд в Даламации собирается в поход.

«Всё, что талао под перомом,
Что было в сердцах наших скрыто,
Развѣт в небывалое пламя
Наш друг Тито, Тито, Тито».

Всё, что текло без смысла,
Теперь в одно русло саито.
Собра ты волнку реку
Наш дру Тито, Тито, Тито».

Сам своими руками
Муку он просея сквозь сито,
Для нас новый хлеб он месит,
Наш дру Тито, Тито, Тито».

Когда бойцы поют эту песню и басы, вторые гонимы, повторяют: «Тито, Тито, Тито», — кажется, что сами горы отвечают им злом, разведом по ущельям и стремнинам юных полководца Народной армии. Эта песня молодости поется во всех уголках нашей страны.

В нашей армии много детей. Это главным образом санитары и связисты, но есть и дежури-офицеры. Особенно отличился среди них Вук Мичунович. Она начала войну радным бойцом партизанского отряда, а сейчас является командиром роты 4-й Черноголовой пролетарской бригады. Её ротой участвовал в наступательных операциях против немцев в городах Ливно, Курпес, Бугуйно, Горин Вакуф и Прозор.

Вуке Мичуновичу только 19 лет. Военная форма поразительно идет к её стройной фигуре, красному лицу и черным волосам. Она типичная югославская девушка. Бойцы любят и слушаются её. Теперь она в чине поручицы. На Женском антифашистском конгрессе в городе Петровци (Босния) Вука выступила с горячей речью об участии женщин в общей борьбе. Во время attacks на город Курпес она была тяжело ранена, но теперь поправилась и снова сражается с немцами.

Большую помощь бойцам югославской Народно-освободительной армии оказывают женщины. По ночам можно видеть вереницы женщин, поднимающихся по горным тропам с корзинами на плечах, — это доставляется бойцам вода. Специально для бригады молодёжи, состоящие преимущественно из девушек, работают на сене. Но собственные посылы пока ещё не могут обеспечить армию. И вот в дни «сенокоса» тысячи людей, составных молодёжи, приходят ночью на поля, привладевающие усталым и немцам. В полной тишине они снимают хлеб, весь, до единичной мерки, и прячут его в горы. Уставши расстилают на своих полях пикеты с пулемѣтами, но утром находят пикетчиков, связанными по рукам и ногам; предметы же исчезают сразу с хлебом.

В одном месте устали мобилизованы население, чтобы срочно убрать урожай, если неудачливой от ночной работы партизанской помощи. Крестьяне, сошедшие на поля, работали медленно и вяло. — Почему вы так медленно работаете? — закричал на них хозяин-устав. Небось, поработайте побыстрее! Крестьяне, видя работа так же вяло...

— Работа та же, это верно, — ответил уставши старик-крестьянин, — работа та же, да только команда пошла была другая...

Гимназисты в Цетине (Черногория) ежедневно тайно от немецкой администрации в Москве, Лондоне и столице «Свободной Югославии». Известия записываются и потом печатаются на листках, именуемых «Рабочими». Они освещают мировые события, имеют силу большую, нежели все немецкие и усташские газеты и радиосообщения. Работают редакторы, редакторы, редакторы по базарам, распространяются по селам и деревням, и никакие гестапоские засылки не могут помешать этому.

Кроме таких радиостоек, печатающихся почти во всех районах освобождённой и оккупированной территории выходят газеты и журналы. Большой популярностью пользуются ежедневная газета Союза антифашистской молодёжи «Мисс Мисс» («Молодёжная борьба»). К сожалению, особые условия, в которых находится армия, делают часто невозможным своевременную доставку газет. Тогда их заменяют живое слово радио и передвинутые театральные труппы. Такие труппы, имеющие в своём составе крупнейших артистов Югославии, работают в Хорватии и Словении.

Одним из театров в Словении руководит поэт и драматург Миле Канитич. Его театр производится вместе с армией, и появление группы в воинских частях бойцы всегда встречают с большой радостью. В Хорватии популярностью пользуется студенческая группа имени Антуэта Цесареви, известного хорватского писателя, расстрелянного усташами в Боснии, недалеко от штаба Тито, работает театр народного освобождения под руководством литературного критика Иво Фрла. В нём крупнейшие югославские актёры: Венко Слав Аричи, Иже Ругич и Салко Репак из Загребя, Лукия Иванович и Никола Попович из Вагграда, известная белградская балерина Мира Савина. Театр мужественно переносит с боями все опасности и лишения партизанской войны.

Уставши и четники генерала Михайловича из кожи вон лезут, чтобы высунуться перед своим немецким хозяином, продают его интересам, терзают и мучают тех, кто попадает к ним в лапы. Но ничто сильней не возмужает человека, из одного патриота, который бы не видел и не понимал, куда клонит изменения. Югославские крестьяне, работавшие в партизанских частях на сторону Народно-освободительной армии, соединили свои судьбы с её борьбой. И здесь, в горных селениях и городах, в жесточайших боях с немцами и их продолжками немцами, возрождается из праха, пепла и крови молодая Югославия — народная, свободная, трудолюбивая, завоевывающая своё право на жизнь.

Воинская часть Народно-освободительной армии Югославии на марше.

Собрание молодёжного батальона Народно-освободительной армии.

ГДЕ БЫВАЛИ РУС

«Переход Суворова через Альпы».
Картина художника В. И. Сурикова.

Слава русского оружия — мировая слава. Александр Суворов, разбивший «испан-рыцарей» Тевтонского ордена при Чудском озере, на пятый столетий оправдал Россию от вторжения немцев. В XVIII веке Пруссия вновь устремилась на Восток. Прусский король Фридрих II, чьи «человечески свободные» ханжеские философы рассчитывали на легкую победу. «Москвитинские» «поборники» — суть, далее о дяде, «блестяще-роковые» войны не могут сплотиваться.»

Эта типично немецкая заносчивость привела Фридриха к поражению. История Семилетней войны (1756—1762) не считает не одну блестящую победу русского оружия, и том числе при Грос-Егерсдорфе (1757) и при Кунарском дожде (1759), где пруссаки были разгромлены совершенно. «Непобедимый» Фридрих бежал с войсками отныне под охраной десяти гвардейцев.

В следующем году, русская армия доблестно вступила в Берлин. Ключи немецкой столицы хранились в Клязьминском соборе.

Берлин — не единственный город, где побывали русские солдаты. В 1799 году их вели в долины Египта, Испанья, Мадрид. Отечественная война 1812 года привела русскую армию под стены Бойланда, где в предельной битве народов Наполеон был разбит непоколебимо. Преследуя «авантюриста» немца, русская армия 18/30 мая 1814 года вошла в Париж.

Еще не побывали русские солдаты на полях Италии, в горных ущельях Альп. Кто не знает о походе Суворова через Швейцарские Альпы осенью 1799 года, когда русская армия совершила свой легендарный переход.

Знамена русских орлов проносили в штык прямо под пулями биты у перевалов Шейново и Шинкы, у Ясс, а затем стала Красной Армия везти знамя над городом Гумпальн, где уже побывал чудо-богатырь Суворова. Шестая русская армия — грозное предшественница ермача, бабынина, что нет такого расстояния, которого бы не преодолел русский солдат.

А. Шишка

«Занятие Берлина»

«Въезд союзных войск»

КИЕ СОЛДАТЫ

...и войскамии.

Картина художника А. Коцебу.

... Парижа.

Старинная гравюра.

«Сражение под Лейпцигом».

Гравюра Жерара Грин Бейера.

«Сражение у деревень Шейново и Шлика 28 декабря 1877 года»

Картина художника А. Квищенко.

СТРАНИЦЫ ЛЁТНОЙ КНИЖКИ

Страницы лётной книжки... Записи, похожие на лётчиковый язык госаэрофа: часы и минуты, скажешь характеристика боевого задания, результат — краткая регистрация повседневной фронтовой работы лётчика. Но в памяти эти скучные строки, в которых запечатлены дни военных годов моей жизни, оживают необыкновенно яркими великими битвами за свободу нашей родины.

Тот מאודж раскрытия странички: «1X1—41 г. Вылет на боевое задание. Уничтожено м/ч на аэродроме противника».

Как много говорит мне эта строка! Страницы дней моей родины. На полтавском аэродроме, окутанном туманами, по-хозяйски расслесены чёрнокопеечные машины со свастикой. Послушайте же теперь них, топая, но для украшения, а для боевого дела. Украшают за их забными кронами, я неожиданно для немцев вынырнула над самым аэродромом. Жутко мычаться выкорм в пяти метрах от асфальта вальской дорожки. Абсолютно неслучайно движению — и не будет ни времени, ни пространства, чтобы приподнять разогнавшийся штурмовик... Врешески в дерево, в фашистские самолеты, в асфальт. Но нет, не только руки, всё ступало той же не тренировано для того боевого воздушного аллора, который называется «бронированным полётом».

Лётное движение — и мой «Ильюшин-2», взрывает полёты взрывает летящего проделателя, за ним потянулись всё тело самолёта. Разворот, нажатие кнопки и гашетка. Я ужождо удовлетворённый. Два фашистских бомбардировщика вымалют, несколько других, несомненно, повреждены, между ними валются убитые и раненые фриши.

Но дотныла до до своих? «Мессершмитты», эскипки иво всех сил стараются помешать этому. Я хитро маневрирую, и вот я дома.

Какоко насажление, сбросив лётную одежду, растянуться после удачного боевого вылета на койке близ командного пункта? Уточаю, что такое — это был второй вылет за день. Перед глазами вспыхивают, гаснут, обгоняют друг друга эпизоды сегодняшних сражений: над полтавским аэродромом и первого — над колонной наступающих немецких танков. Я не позволяю себе уснуть. Мысленно прослеживаю все этапы боя. Смотрю на себя как бы со стороны. Правильно ли действовал? Вот тут правильно, а вот этот приём ни в коем случае нельзя применять при будущих вылетах. А как подросло мой «Иль» от разрыва моей же пушки? Надо забыть о большой высоте. Дым, огонь, вспышки разрывов салютуют в сонном сознании в какую-то сплюснутую пелену. Она окутывает меня. Я засыпаю...

— Старший лейтенант Голубев! На командный пункт! Старший лейтенант Голубев! Да, Голубев же, проснитесь!

Я вскакиваю, как от удара. И уже знаю, в чём дело.

Онть ревет мой мотор, и онть удары зениток, пули, снаряды фашистских истребителей.

Так день за днём. Страница за страницей. У немцев в начале войны было больше машин. Советский лётчик знал, что, если в бой, он должен быть смелее, умнее, находчивей, чем немецкий враг, с которым ему предстоит сразиться. В этих неравных состязаниях я выработал свой боевой стиль. Как это происходило? Вот несколько примеров.

Начавшееся в неудачи. Сталилось так, что первый боевой вылет пришлось совершить ночью же после вылета на авиационной шкорм. В те дни немецко-фашист-

Записки дядьки Героя Советского Союза вёрстки майора Виктора Максимова Голубева — рассказ о том, как рождалось умение лётчика-штурмовика, как в жестокие схватках с врагом закалялось и оттачивалось мастерство прославленного советского аса.

С начала Отечественной войны и до осени 1943 года В. Голубев из дня в день вел боевую работу. На своём штурмовом самолёте «Ильёшин-2» он уничтожил около 70 фашистских танков, свыше 200 авиомашин с экипажами, 20 немецких самолётов на их аэродромах и 3 самолёта был в воздухе, истребил больше 1000 фрицев. Это счёт во много раз умножен лётчиком подразделения, который командует гвардии майор В. Голубев.

Два золотые звезды Героя Советского Союза и 5 орденов отмечают боевой путь 28-летнего лётчика, бывшего слесаря завода имени Молотова в Ленинграде, старшего комсомольца, а ныне — члена ВКП(б).

Дядьки Героя Советского Союза
В. Голубев.

ские орудья равнаес в Москве. Уже был захвачен Смоленск. Фашистские танки двинулись к Рязаню. Мы, шесть молодых лётчиков, должны были на бомбардировщиках прорваться немцам дорогу.

Вот и танки. Вокруг чёрные вёсны разрывов и «мессершмитты». У нас прикрытия нет. Бомбы мы всё же сбросили и повернули обратно. Вдруг за спиной застрекотал пулемёт. Мой штурман, Пётр Гробовик, хорошо стрелял по фашистам. Но их было вдесямнатал. Каждые три изорали себе по одному бомбардировщику. Тройка «мессеров» погналась мне вдогонку. Почему же пулемёт Гробовича замолчал? Мне отомстила дробь втула по бронированной спинке: они прошли сквозь Петру. Я не успел отгнаться: металлический комар ужал меня в шею.

Продолел почти останавливаюсь. Странная тишина. Машина куда-то проваливается. Решить, что пробрызг и вытекла бензобаки, и переключил мотор на запасный. Нет, он бездвуха. А следом, из всасывающих па-

трубок, высунулся лётчик памави, за ним другой. Огненные лопты вылились и ты мотором. Тут слышали по приборам, дробь их в осколки. Я оцепенел. Я видел себя уже горющим. Чонец — это зельдутья!

В салуционно мгновения напряжённости воли и стрихнула растерянность и охватывала в одной тугой боязливости. Глазунел да ведь немцы гонятся за мной, за территорией, занатой нашей войсками! Нет, не кончу так бесславно! Собрав по силе воли, я вырвал машину и сларь ниронла плававший самолёт на ровный участок поля.

Пётр сидел в кабине, бессильно склонив голову, в ауже крови. Я вытаскил его из кабины. Это был его первый и последний боевой вылет... Страстно захотелось снова подняться в воздух, отомстить. Те же продолжал явля, пережитый мною, не прекратился. Я гаюко оцепта, различил между оозательным выбором лётчиком образа действия на поле боя и тем душевным состоянием, когда лётчик не испытывает страха перед смертью, но в этот вернейший способ победить врага, а действовать наовос. Управляет боевым самолётом — это раньше всего управляет своим сердцем и своим сознанием.

С того дня я, кажется, ни разу не изменил этому правилу, и оно помогло мне побеждать в самой сложной обстановке. Оно научило меня, между прочим, вырывать в себе явную крайность, когда я пересел на штурмовой самолёт. Если скажем, плёт бомбардировщика только ведёт машину, а проваливая курс, наблюдает, страдает и бомбит штурман, то Абдевал, страдал и бомбил штурман, а в случае чик-штурмовик прослаивал всё это сам. К этому нужно добавить, что штурмовик чаще находится в неблагоприятных условиях — чаще пользуется плохой погодой, носится брешнями туманом. Давжонтия руг, глаз, поворот головы должны быть рассчитаны по секундам.

Вспоминаю одну из штурмовок под Воронежской областью в 1942 году. Стало туманной зимней днём. Подбрасывая подвешенная, немцы были уверены, что советские самолёты будут бездействовать: слишком низко и слабо явились облака. Но мы полетели — я и лейтенант Алексе.

Винг яростно вращается в серой мути. Линия фронта остаётся позади. Немцы уехали реф моторов. Но поздно! Они не успели открыть зенитного огня, расстрелять. Всё было так, как я представляю, над самой гущей фашистской коалонии и благополучно вернулся к своим.

Мой спутник потерял меня из виду ещё до подхода к цели. Но он тоже обнаружил её, успешно атаковал и вскоре возвратился на наш аэродром. Так в несколько минут два самолёта сорвали операцию, в которой должны были участвовать сотни фашистов с артиллерией и танками. Мы и другие самолёты навски остались лежать в русских степях, а немалая часть их вооружения превратилась в железный лом.

Но ведь всё это окончатся в яичке, как это было, например, в прошлом году под Орлом с молодым лётчиком З. После групповой атаки он не смог найти товарищей, атаки и сел в 30 километрах от своего аэродрома и там застрял. Мы и другие координировала движение, зыбля, что залог успеха для штурмовика — хорошо ориентироваться в воздухе. Мы же с лейтенантом Алексеем вынуждено изучили ненадолго время полёта по карте, точно металии труппа пролёта над каждым ориентиром. В воздухе мы всё время сидели в каргой, и в стральной часовой, и за земными ориентирами. Это обескуражило, лётный выход на даль и благополучное возвращение, несмотря на то что мы оторвались друг от друга и летели в тумане и облаках.

1 М/ч — материальная часть.

Лётчик-штурмовик должен уметь хорошо записывать от вражеских истребителей. Здесь решают раньше всего то, как уметь маневрировать, действовать активно.

Кто не помнит название «Союз Османов поле»? Много раз мелькало оно в сюжетах Соинформбюро в дни войны. Это название произошло воздушно-сражение, которое врезалось мне в память как одно из самых интересных.

Мы шестёрка, уклоняясь от густого зенитного огня, штурмовала немецкие танки и пехоту. Закончили. Нас осталось четверо. Тут и начелась лютая стрельба из пушек. Часть из них, правда, была выключена. Остальные бросались на нас. Я построил штурку самолёт, т. е. таким строем, когда машин становится один, а пилота — два. Мы ступились. Потом перестроили их в оборонительный круг. «Мессершмитты» волею вытеснились на наши пулемётные очереди. Вскоре мы сблези один немецкий самолёт. Так мы четыре раза вылетели в атаку. Каждый раз вылаемая у нас пехота, прощая тридцать километров и без потерь вернулась к своим.

Таким же, как Сталинград, испытанием стояли и уцелевшие самолёты. Один из них оказался оросская эпопея 1943 года. Вспоминаю как одной из тогдашних наших штурмовок, могу пожелать всем своим коллегам никогда не попадать в подобную ситуацию, а понаб, действовать не хуже, чем мы...

Превратите себе восьмидесятикилометровую аэроулет от зенитного огня. Вы улетите в сторону и попадаете в такую же аэроулет. Черные крошечные разрывы распукаются впереди, сзади, с боков. Иногда разрыв прохлдит как близко, что зарушатся рёв мотора. Воздушная зенитная атака, как и любая война аэроулет. Вы отводите машину ещё на несколько градусов в сторону, ещё и ещё... Нет, это не аэроулет, это густой лес разрывов! Они создают лютую атмосферу, густую, чёрную, как сажа, османливые металлическими осколками. Мы ведёте машину вперёд и вперёд. Нужно во что бы то ни стало достигнуть вражеского аэроулета и уничтожить его там самолёты.

Опаска как выпрыгнуть из этих опеченных аэроулет? Дать бы помпный газ и опеченный поторе к цели! Будь что будет! Это самый первый путь, но к цели, а к гибели. А нужно выпрыгнуть боевое задание. Потому спокойствие, расчёт. Зенитки врага отключают мой курс, скорость, высоту. Это создаёт им основу для прицела. Я должен спускаться выключая зенитников. Спасательный маневр! Я то прибрал газок, то беру ручку на себя. В обоих случаях машина теряет скорость. Нярно вниз, вниз, вниз вверх. Все аэроулеты проделывают так.

И вот объект. Тут особенно плотен зенитный огонь. Время приходится и быть. Однако, готовясь к атаке, помню, что уже пролетели ручку в сторону и уже сам могу погнунуть, если осередотую всё внимание только на прицеливания. Нет, и здесь маневр! Мгновенный расчёт, маневренные аэроулеты, и я снова тут-то табушку зенитчиков.

Так действовала я, и так действовали мои ведомые, заранее подготовленные к атаке. Это налет каждый выключал в число своих. Каждый делал своей жизни. Тридцать пять минут мы находились под непрерывным огнём, но ничто не могло помешать нам. Мы превратили вражеский фашистский машин. Мы уходили в небо. Отрава оказалась дыма, подманного нас на 600 метров. Это были указатели нашей победы.

Передавая лётную книжку, я мог бы ещё долго описывать свои боевые лётки. Но один из них не входит ни в одну из категорий. Это была лётка в другой. В лесу мои полёты несли некая обшая почва, обшая зоркость.

Мастерство лётчика-штурмовика несётся способно. Это не только сумка спещ-

альных знаний и навыков: это прежде всего высочайшее качество, выработанных воспитанием, самовоспитанием, всей жизнью и работой, предшествовавшими авиационной «карьерой».

Кто мой самый первый друг и помощник в освоении авиации? Конечно же, я и знаю его досконально, постоянно слежу за его состоянием, перед полётом и в воздухе прислушиваясь к тому, как он работает. И стараясь уловить всевозможные нюансы. И мне не стоит большого труда установить и устранить её причину.

Жизнь мотора я узнал ещё в детстве. Я до 12-13 лет, мой дедовский брат Митя Голубев добывал газ-то итруску — железную лодку. Мы превратили её в самоходный катер, который янки бороздили спокойными водами сухопутного и монастырского тудов в Угличе.

Потом я соорудил, пользуясь схемками журиала «Радиолюбитель», детекторный приёмник, а затем и более сложное устройство. Дошло мучился и с моделью лётного самолёта. Всё шло хорошо, но моторчик не получался. Я не отступал. И для того, чтобы расшифровать загадку электромотора, решил соорудить уже не штур модель электромоторчика. Замысел удался. Моторчик жила, хлопотно отбивая такты.

Сквозь раз в жарких воздушных схватках я заставляла самолёт продвигаться самыми необычайными прыжками, выжимая из машины такую быстроту, какой она по своей природе как будто не могла быть. Я действовал так в значительной степени потому, что с детства хорошо знала работу мотора. Игрушка, сооружённая мною в юношеские годы, весьма с пользой применима, а мотор штурмовика весит полтонны. Но в моём восприятии, между ними существует крепкая связь. Возня с игрушкой была для меня первой и очень прочной ступенью познания мотора.

В детстве и ранней юности был создан и другой двигатель — он опирался глубоко в моём сердце. Это главный двигатель моей боевой работы, навеянный к тому. Этот двигатель — любовь к родине, интерес к её прошлому, умение видеть её великое будущее, вера в её ещё более великое будущее.

Древний Углич, в котором я прожил в семье во шестнадцатилетнего возраста, был раскрытой книгой истории России. Я любил бывать в Краеведческом музее, где эта история раскрывалась перело мною в различных предметах старинного быта, вооружения, в древних документах. И с интересом читал книги, рассказывавшие, как стойко оборонялся несколько веков назад Углич от врагов. И не раз в первые месяцы войны несомненно о мужестве угличан укрепляла веру в то, что немецкие фашисты никогда будут маршировать по нашей земле.

Вряд ли достиг бы я своего родного дела той степенью, на которую мне удалось подняться, если бы в юности не удалось большой настойчивости в учёте.

В 1930 году я окончил восемь классов средней школы. Родителям считали, что и без дальнейшего образования и без меня при самом добывании хлеба свой. А мне хотелось продолжать учёте. Броеить его означало «эксплуатировать» — так я могу передать теперь тогдашние представления. И я решил: если нужно зарабатывать на

жизни, буду, но и книг не брошу. В этом году सेवा перебралась в Ленинград. Меня опрадали на школу ФЗО Октябрьской железной дороги. Спустя два года я выиска из неё слесарно-парового мастера и поступил на завод тяжёлого машиностроения имени Молотова. Началась, в полном смысле слова, самостоятельная жизнь. Родители снова вернулись в Углич. Я остался один в огромном городе. Работал, а поступил на вечерние отделения Горьковского техникума. Однако не вытунга. Самым моим было специальных дисциплин математики, приходилось серьёзно готовиться к занятиям, а времени не хватало.

Это была очень горький период в моей жизни. Из техникума пришлось уйти, а я ведь мечтал окончить высшее учебное заведение. Что же, оставить надежды на продолжение образования? С этой мыслью я не смирился и вскоре поступил на вечерние курсы по подготовке в вуз. Досталось мне... Встав в шесть часов утра, я спешил на завод. Обрабатывал смену и пообедал, а из-за Нарской заставы, отправлялся на трамвае в другой коней города — на Васильевский остров. Там, на курсах, занимался до 11 ночи. А возвращаясь домой, часом до двух готовил уроки.

Тут продолжались девять месяцев. Часто повторяя я в то время фразу из «Двенадцати» Блока: «Над собой держи контроль!» Я не знала развлечений, можно сказать, почти не отдыхала. Работая, а поступил на курсы и сама заперевшись на десятилетия, то почувствовала себя силачом. Заветное желание сбылось. Тяжёлым трудом и усердием я завоевала право на поступление в вуз, в Институт связи, куда стремился. Однако осуществить это не успел: меня призвали в армию.

Как пригодились мне на фронте эти девять месяцев сомнения работы на заводе с учёбой? Пригодились как школа самостоятельности, как школа, укрепившая привычку учиться работая, учиться всегда, в любой обстановке...

...Моя лётная книжка содержит записку о штурмовке в районе города Севска. Уничтожил фашистские батареи, мы открыли дорогу в город нашим наземным войскам. Тут, под Севском, я отомил самый великий, самый радостный шаг в моей жизни: из-за командующего фронтом Рокоссовского я услышала вест о награждении меня второй медалью «Золотая звезда». Первый раз звание Героя Советского Союза за мне было присвоено 12 августа 1942 года за боевую работу под Ростовом и Харьковом.

Выслушав сообщение о высокой награде, я тут же отправился на штурмовку...

Теперь я снова учусь. Академиком практического опыта дополнение академиком настоящей — Воздушной флота. Редко вижу небо. Выездного него потопом и стены аудитории. За спешными делами, как всегда, впереди, сверкая орденами, советские сани. Книги. Формулы. Пробираться в их лабиринтах иной раз труднее, чем выйти на цаль во время штурмовки... Но и там и тут помогают инстинктивная воля и сознание, что это нужно, нужно родине.

В моей лётной книжке много чистых листов. И сейчас, в дни великих побед советского оружия, особенно хочется поскорее закончить Академиком, чтобы заполнить их.

Краткое содержание предыдущих глав

Московский профессор Андрей Андреевич Хлебников получает весть о гибели сына на фронте. В бумагах сына профессор находит письмо, адресованное С. Сосновиной, и передает его ей.

Иван самодель доставляет в немецкий тыл парашютов, имеющее сигнальное значение. В это же время немцы разведка направляет своего летчика в наш тыл.

На фронт в замешательстве присылается горювата дядького тылового города Зуральска Костромскому приехал некий инженер Головин. Через Костромского, которого он знал студентом, Головин стремится попасть на работу на завод оборонный завод «Первое мая». Нужна специальная квалификация. Инженер Головин обращается за ней к профессору А. А. Хлебникову. Он и профессору А. А. Хлебникову. Он и профессору А. А. Хлебникову. Он и профессору А. А. Хлебникову. Он и профессору А. А. Хлебникову.

Командир захваченного гитлеровцами города Плеска Шпанек вымывает к себе бывшего агронома Ерофеева, проделавшего значительные работы в немецком концентрированном лагере. Шпанек плачет Ерофеева — человека с тёмным прошлым — буржуазником.

Шпанек и гитлеровцев «ОС» ген Мангейб устраивают своеобразное испытание и проверку работоспособности у них русского инженера, строителя дорог, Сергея Илющенко. Она хотя и разволнована к Илющенко, но понимает, что он знает немецкий язык и скрывает это, узнавая таким образом военные тайны немцев. Проверка убеждает гитлеровцев, что Илющенко не виноват повисевши, и доверие к нему ген Мангейба ещё более укрепляется.

Глава IX

ИВАН ГРОЗНЫЙ

Артиллерийский полigon в Зуральске находился километрах в двадцати от города. Но в первую военную зиму, после того как в Зуральске эвакуировали с запада большие заводы и полые армии рабочих, инженеров и техников, горда Зуральск, как из-под земли выросли новые посёлки — тысячи новых построек и барачки. И теперь вышло так, что только семь-восемь километров отделяли новые посёлки от полгона. К оружейной канонаде жители привыкли и даже удивлялись, когда их шумные соседи — артиллеристы — иной день не стреляли из пушек.

В жаркое августовское утро на выжжен-

ной солнцем траве полгона лежали малые командиры-артиллеристы, покуривая подкученную над одним из своих товарищей, скончившим тут же курительное письмо девушке. Немного поодаль вьехали странной машины, прикрытой брезентовым чехлом, прогуливались инженер-майор Юрченко и пожилой человек в белой косоворотке — Ворне Штейн, главный инженер завода «Первое мая».

Волнуется за «ванюшу», товарищ майор! — спросил Штейн.

— Ванушек. Да и вы тоже волнуется. И майор погладал на Штейна с дружеской теплотой — он знал, что главный инженер не спал уже третьи сутки и старался сохранить спокойствие и бодрость накануне испытания нового артиллерийского снаряда.

— Едут! — услышали они голоса позад и, повернувшись, увидели на дороге в облаках пыли три эска.

Автомобиль свернули и погоню и остановились неподалёку от покрытой брезентовым чехлом странной машины. Штейн и Юрченко пошла навстречу приехавшим — майору Юрченко, полковнику артиллеристу и генералу, вёсшему бандиону в белом кепи. Это был Бобров, директор завода «Первое мая».

Майор Юрченко стоял «смирно», держа руку под козырёк.

— Вы и есть изобретатель «ванюшки»? — спросил, пожимая руку Юрченко, артиллерийский полковник с двумя орденами Ленина на груди.

— Вид у вашего «ванюшки» самый мирный, — заметил, приближаясь к покрытой чехлом машине, генерал-майор. — С первого взгляда — не го экскаватор. Не то сельскохозяйственное орудие.

— Даю, конечно, и снаряды. И все направляется к эскапшам на траве продолговатым предметом.

Майор Юрченко попросил — спуститесь в укрытие — «на случай нежелательного эффекта при отпаче».

— Бржежинского бор бережёт, — умышленно Бобров и завод приказав поставить подальше автомобиль.

— Ну-с, разрешите приступить? — волнуясь, спросил Штейн.

Артиллеристы тоже, видимо, волнуясь перед испытанием, стали снимать чехлы с машины.

— В седьмом часу утра мастер завода «Первое мая» Вугров, живший близ полгона и спавший в эту ночь в садочке, проснувшись от сильного колобания воздуха и отглушительного гула, Звук был настолько сильный, что даже привыкший к артиллерийской канонаде на полмгине Вугров проснулся.

— Это что тут пущка!.. — спросонья проворчал он.

Тем временем у моста, где был построен опытный дот, стояли члены комиссии и с изумлением смотрели в глубокую, дымящуюся воронку в том месте, где раньше находился укрепление.

— Вот вы и «ванюшка!» — покачивая головой, сказал генерал. — С одного снаряда

разбить такую машину. Богатый подарок немцам.

— Это не «ванюшка», — с радостным возглагом проинбри Бобров, — это «Иван», «Иван Грозный» — вот что это такое!

Глава X

УТРО В СЕЛЕ ЧУХОВЕ

Ерофеев жил в одном из лучших домов города Плеска, в бывшей квартире председателя районского. Утром Ерофеев подавали запрещённую пирожку высокую булочку. Булочка он с охрипшим и немецкой форме и людей, знакомых и незнакомых, по совету немцев, избегал. Но вспоминал о судьбе своих предшественников. Ерофеев успокаивал себя: «В тишине, и никогда не убиваю, не терзаю, не мучаю — пишу себе, поживаю в чистой комнате, курю немецкие сигары и читаю «Ину» за 1892 год».

К Ерофееву никто не ходил, кроме переводчика немца. Переводчик приносил ему на подносе бумаги. Ерофеев поднимал их, не читая. В первый раз он вздумал прочитать то, что должен был подносить. Он не удивился, хотя в бумажках было восемь пунктов и каждый из них начинался словом «смерть». Он хорошо понимал, что слово «смерть» на немецком языке, означает висельную иглу, в которую сваливали трупы застреленных людей: он сам это видел не раз, когда сидел за проволочкой. Теперь ему было тепло, сытно, и это для него — главное. Рука выдвинула хохлоку на солидную птичку и «р», похожее на рукоятку сабли.

Переводчик по фамилии Луке убирал бумаги и уходил. Иногда Луке убирал фому Шпанек — это означало, что Ерофеев должен ехать на вокзал встречать возмущённого гостя из Берлина или генерала, командующего корпусом. Ерофеев извлекла чёрное пальто, выданное ему для таких случаев, и бравничую шапку, кламася, когда полагалось, дотрагивался до ручки высокого гостя, селам ему подавали рукоятку Измаил, из-за забора, на него таялись железнодорожники, случайные прохожие, возвращавшиеся с базара. Два или три раза Ерофеева фотографировали вместе с немцами. Шпанек подавал ему немецкую газету, где Ерофеев увидел себя и немцев. О Ерофееве в газете было сказано, что он глава русского населения такого-то округа и что он снискал уважение населения строгостью и справедливостью.

Население видео своего «главу» только в тот час, когда Ерофеев ехал в управу или возвращался из управы. Люди глядели его сторону новизни, пугались и подстригивали хвостами, высокую фигоновую брычку, на кучера и на охранника. Несмотря на это, Ерофеева как бы не замечали. А между тем он иногда встречал знакомых людей, с которыми ему удавалось дружески поговорить. Ему случалось встречать приятелей, которые приходили к нему до войны поиграть в шахматы, выпить и закутить на-

Члены комиссии с изумлением смотрели в глубокую дымящуюся воронку.

* См. МЭБ 7—8, 9 и 10.

капусте выходного дня. Теперь они стараются не смотреть в его сторону, да и ему не хотелось встречаться с ними издалека.

Однако Ерофеев всё ещё считал, что он не совершил ничего такого, что вызывало бы к нему ненависть горожан и крестьянского населения. Это лишь на приказание в исполнение казни? Этим заимуют другие.

Однажды в сельском часу утра его погнало адютант Шпанек в застывшую одежду. На этот раз ему было приказано надеть сапоги и непромокаемую пац — было дождливо утро.

На улице его ожидал Шпанек и два офицера в шинели и карабинерах, сидевшие в автомобиле. Позади автомобиля стоял броневик. Шпанек послал Ерофеева вперед себя и, положив ему руку на плечо, сказал:

— Мы едем в Тучково. Ерофеев почувствовал некоторое беспокойство. Он слышал о том, что в селе Тучково убили немецкого солдата и раным немца. Об этом селе в последние дни упоминали в разговорах с немцами переводчик Луке. Теперь он боялся, почему у городского заставы их ожидали солдаты, посланные в грузовики.

— Вы должны помнить, что вы не только бургомистр, начальник города, но и начальник района, — сказал Шпанек. — И вы должны показать строгость. Подвезла жандармы и охранники, полковник будет исполнять ваши приказы. Тот, кто останется жить, должен знать, что русских крестьян наказывали их соплеменники. Самих много горело, и вы должны плохо обращаться с населением. Пусть люди видят, что поставленные нами люди сами расправляются с врагами своего племени. Сегодня утром село Тучково останется только как название на карте...

Он поднялся на козгор. Дождя уже не было, день прояснился, в озеленении, у берёзовой рощи, показавшееся большое село. Золотая, осенняя листва беловато-серых ветвей, высокая белая колокольня над образом, рассыпанные по скале избы, мирный дымок из печных труб. Казаlets, это прежняя, безмятежная сельская тишина.

Всего этого не стало спустя два часа.

Подневное солнце вновь поднялось на пылящихся пепелищах. Накало гурь, группы людей вывалили срыи обугавившихся бревен. Густой, чёрный дым поднимался над забвённым городом, там ещё улетало село Тучково. У развалин ворванной колокольни рядом с полковником Шпанеком стоял баргавик, исповешник Ерофеев и галдела на толпившихся у руды немецких солдат, красная от крови земля ела с их рук.

Случилось то, что предвещал Шпанек: село Тучкова больше не существовало на русской земле. Столетними здесь жила замечательные гонимцы, столетними жили последние русские крестьяне, они видели закованных в латы амвонских разбойников-рыцарей, переживали эпоху военных поселений — дикую прихоть Аракчеева, селы и ослы жгали, труднялись и находили вечное успокоение в берёзовой роще, на сельском погосте. Но осенью 1942 года село было стёрто с лица земли, через месяц только стоило и выжигало «Тучково» напоминания о том, что здесь всего месяц назад жили русские люди.

Ерофеев возвращается в город. Он вспоминал подробности происшедшего сегодня. Да, он приказывал жечь избы, убивать, стрелять в детей, которых держали

на руках женщины. Одну из этих женщин, учительницу Токвареву, он хорошо знал. У неё была трагическая дочь, и Ерофеев деловито спросил: «Ну, кто же первой, — вас или дочку?» — и Токварева ответила: «Меня...»

Потом он брал у Шпанека фляжку с ромом и пил, но выплевывал и слова пил... Он поклялся немцам быть их верной собакой, кровной собакой, «Bluthund» — есть у немцев такое прозвище. Так оно и есть теперь...

Шпанек довёз его до дома. Он галдела

— Ну, кого же первой, — вас или дочку?..

на него с мрачной улыбкой, сам открыл ему дверь автомобиля, и когда Ерофеев нетвердыми шагами прошёл в калитку, с удовлетворением кинула головой. Теперь всё было в порядке. Теперь этот человек связан кровной порукой с немцами. Командант окончательно уверился в этом, когда два дня спустя в окно флигеля, где жила Ерофеев, ударила пуля и спалошился, пролив бок пузатого самовара.

После страшного утра в Тучкове Ерофеев спал не раздеваясь. Он ездил, куда ему полагалось ездить, подписывал то, что от него требовал подписать переводчик Луке. Потом он возвращался домой, в свои две комнаты, которые некто убирала глухая старуха — дальняя его родственница.

Дилкий страх овладевает Ерофеевым.

Охранники ходили под окнами флигеля, возмущая с ними спускали немцами от черку, которую прислал Шпанек. Немцы берегли бургомистра, им надлеало уважить, особенно после того, как погиб загодой — эмгавр предшественник Ерофеева — Котлов.

Была один человек, с которым мог бы встречаться Ерофеев, встречи с которым не боялся. Это Иоземцев, которого он знал понаслышке. Но Иоземцев негелла был в разлуке: он строил дорогу, и когда приезжал в Пасек, то прогваля у немцев. Немцы благоволили к Иоземцеву, особенно фон Мангейм. Иоземцев был красивый, весёлый малый, умел выиграть, легко сплавить, играл на гитаре. Всё ему давалось легко — даже дорога, которую до него не мог построить немецкий спинацист инженер Густ.

Однажды Шпанек сказал Ерофееву, что ему следует бывать по воскресеньям и праздникам в церкви. Ерофеев удивился, в церковь он не бывал с детства. Всё же он одобрял, это как-то могло оканжить его однообразную, однообразную, скучную жизнь.

Он был у ранней обедни в воскресенье. Народу было немного. Ерофеев чувство-

вал на себе взгляды окружающих, но когда он поднимал глаза, ария отворачивалась, совсем не глядя на него. Ерофеев сказал Шпанеку, что в церковь он больше не пойдёт. Шпанек усмехнулся:

— Можете не ходить. Но вы должны поехать на квартиру к спинацину отцу Александру. Он отпустил вам посылку с продуктами, подарок от немецкого командования, так и скажите.

Отец Александр был старый человек, года его подползли к восьмидесяти. Но на жёлом, порываемом лице его светлели живые, выплывавшие луковыми огоньком глаза.

Он ничего не сказал по поводу посылки, которую вручил ему Ерофеев. Они сидели в полуоткрытой кухне и пили чай. Дес было теплее, чем в комнатах.

— Вы ведь записчик? — спросил Ерофеев отца Александра.

— Конечно, записчик. Нам не приходилось с вами встречаться по понятным причинам.

— Да, да, по понятным причинам. А вот теперь встретились, теперь я о вас слышал...

Ему, повидному, было трудно прогвалять разговор.

— Должен вам сказать, — начал Ерофеев, — что немецкое командование на рождество решило сделать подарок здешним детям, послать им угощение. Насколько я знаю, прогваляемому устроит ёлку в школе, и подарки доставят туда. А вы уж возьмите на себя труд раздать угощение детям...

Священник молчал.

— Какое ваше мнение по этому поводу?

Отец Александр кашлянул и, галдя в сторону, сказал:

— Вас интересует моё мнение?

— Конечно.

— Видите ли, ёлка — праздник весёлый, а тут война, в каждой семье своё горе, у того отца нету, у того брата или мужа... Как же тут веселиться? Выли или родители соглашались устраивать ёлку в дни общего горя... Тем более в городе всем известно то, что произошло надвях в селе Тучкове...

— А вы не боитесь, — спросил Ерофеев, — что ваш отказ будет сочтён за непочтительность к немецкому командованию? До сих пор немцы относились к вам хорошо, уважая ваш возраст и сан...

Отец Александр опять помогал и заруд, подлил на него глаза, сказал с недоброй усмешкой:

— Возраст мой, действительно, почтенный, смыслит шесть лет, и в таком возрасте смерть не так уж страшна... Вообще русские люди смерти никогда не боялись, смотрел на неё так же, как на нечто неизбежное. Выпадает, разумеется, исключения... Больше у вас нет никаких дел ко мне?

— Нет. Разве вот что: скоро зима, вам дровинки понадобятся...

— Мне немного надо, и верющие обо мне помнят. Не исказьте безобразно...

На этом разговор закончился. Ерофеев прогваля и вышел. Он пошел в бричку и увидел посылку — подарок немцев — на сиденье.

Вечером он сказал по телефону Шпанеку, что священник не извещал его внимательно, но подарка не принял: о нём, мол, заботятся верующие.

— Надо было заставить его взглянуть кривку Шпанек.

Ерофеев прогваля. Он много выпил, вернувшись от священника, ему была безразлична грубость Шпанека.

(Продолжение следует.)

ВЕТЕК И ОФИЦЕР

Офицер Красной Армии — так именуется теперь советский командир в звании ст. майорского лейтенанта до полковника. Само офицера, принятое во всех армиях мира для обозначения главным образом среднего и старшего командного состава, условно лишь и в наше время.

Еще задолго до Отечественной войны с немцами в Красной Армии были введены военные звания, которые определяли собой служебный путь командира. В дни войны было изменено формулирование наших войск.

Введение погонов в Красной Армии прежде всего послужило целям укрепления дисциплины и единоначалия. Погоны со знаками различия четко выражают служебное подчинение бойцов командирам, младшим — старшим. При социальном равенстве бойцов и командиров погоны были призваны еще яснее подчеркнуть различия между ними. Погоны призваны подчеркнуть их требовательность по отношению к младшим, повысить их ответственность за исход каждого боя, операции.

Офицерский состав войск — это цвет Красной Армии, ее элита, ядро. Военное звание есть первое свидетельство власти командиров, которой обладают их правительством, родина, народ. Вот почему офицерский мундир символизирует собой твердый воинский закон, дисциплину и организованность Красной Армии.

Воинская честь советского офицера прежде всего в его умении одержать победу над врагом. Ясно поэтому, что честь офицера является не отвлеченным понятием. Честь советского офицера основана на его идеологии, на преданности делу партии Ленина — Сталина, ибо во имя ее идет, выражающих лучшие стремления народа, он и доблестно сражается с врагом. Это главное. Честь советского офицера основана на его командирских качествах, на его воинском даровании, ибо, не обладая этими достоинствами, он не сумеет исполнить свой долг, предостынит ему величием народа.

Воля командира является важнейшим моральным фактором на поле сражения. Именно она приводит в движение и руководит всей массой людей и материальных сил в бой. Как бы пави ни был великлен, — писал А. Дюма, — он может быть совершенно испорчен исполнением, а исполнение лежит в области воли. Сильная воля включает в себя такие командирские качества, как самообладание, хладнокровие, способность не теряться в любой сложной запутанной и угрожающей обстановке.

Какое огромное значение имеет воля офицера для исхода боя, или операции, можно увидеть на следующем примере.

На Юге части полковника Сафронова с преданными ей подразделениями и подразделениями самоходных орудий, прорвали на узком фронте немецкую оборону, стремительно овладели важным населенным пунктом. Противник стал поспешно отходить, и полковник Сафронов немедленно организовал преследование. В течение дня его часть, ставшая острием нашего клина, с боями прошла семидесяти километров. Связь с вышестоящим командованием поддерживал полковник Сафронов поддерживая на радио. К вечеру противник, подняв подкрепления с соседних участков, начал отрезать часть Сафронова в головном направлении и двинулся на нее с фронта. Немцы, меняя направление ударов, неоднократно атаковали Сафронова. Нужно было обладать несокрушимой волей совет-

ского офицера, чтобы в этих условиях не только отбивать удары противника, но и продолжать вперед. Офицер связи, продрогший и голодный полковник Сафронов, посоветовал ему пробраться назад на соединение с основными силами, но Сафронов ответил ему:

— Я достиг успеха и должен развивать его. Это — мой долг. Не сомневайтесь, что немцы проиграют эту игру.

Отразив несколько контратак противника и измотав его, Сафронов собрал свою часть и средства усиления в один кулак и, вновь протаранив боевой порядок немцев, опять вышел им в тыл, заставив неприятеля драться перевернутым фронтом. Это настолько ошеломило противника, что он вынужден был снять свой заслон, затянув горючим первоначального прорыва. Главные наши силы скакнули вперед, догнали Сафронова и, разбив вместе с ним противостоявшие ему неприятельские войска, снова продвинулись вперед на пятнадцать километров.

Так воля советского офицера, не отступившего перед трудностями, не дрогнувшего в ответственный момент, проследовала весь путь и сослужила хорошую службу делу нашего наступления.

Коваты и заковать свою волю, навязывать ей противнику, повсюду добиваться победы — долг каждого советского офицера.

С первых же дней войны поочному отрывались советским офицерам значительные воинские дисциплины. Эта черта наших командиров, укрепляющих порядок даже в самой тяжелейшей обстановке, замечательно показана в романе Вислава Гроссмана «Народ бесмертен». Когда явный герой Мишанский, находясь в тылу врага, являясь со своей ротой в часть, «пришедшие с другой роты» и солдаты, в порывах гимнастических. Сам Мишанский был немногим лучше своих бойцов. Он спорил с воротника знаки различия, крючок и верхние пуговицы гимнастёрки были чужими, башинке рывало при нём повисал сумка и планшет отсутствовали, он яв. очевидно, бросаю, чтобы не иметь командирского вида, даже револьвер он вынул из кобуры и спрятал в карман бр. — Весты! — сказал Богарев. — Что? — спросил Мишанский. — Весты! — громко и внятно повторил Богарев.

Мишанский посмотрел в лицо Богареву и, выходя, вынул сумку.

— Стоит снижать слова Богарев и, с ненавистью глядя на Мишанского, закричал: — В каком вы виде? Как вы подходите к старшему начальнику? Немедленно приведите себя и своих людей в полный порядок, иначе вы одного победите, чтобы ни одной порванной гимнастёрки. Прикройте к петлицам знаки различия. Через двадцать минут выстроят роту и выйдете на поле боя, командиру достанутся в роту и противника регулярной части Красной Армии, в подчинение которого вы поступаете.

Богарев посмотрел на часы и медленно проговорил:

— Через двадцать минут, если мой приказание не будет выполнено, вы будете расстреляны перед строем, вот под этим деревом».

Твёрдой рукой насаждая воинскую дисциплину, советский офицер делает всё, чтобы отбросить свою часть в мощный, стальной кулак, способный пробить неприятельскую оборону и наносить врагу удары с флангов, с тыла и с фронта.

Командир — отец бойцов. Когда бой идёт хорошо, крайняя удача сама свесит вверх бойца. Но в тяжёлые минуты, когда обстановку осложняется, боек невольно оглаживается на офицера, идет в нём опору, ждёт от него ответа, как поступить. Решения задач наступления требуют длительной, носящегося полыха всех войсков. Офицер призван неотумомя воспоминать и подготавливать бойца к предстоящим средствам, в том числе и своим немцами влдом.

Вот характерная сцена из жизни наших офицеров на фронте.

— Он расцеловал майор Мамоев прибеда на командный пункт дивизии доложить полковнику Арубинову, что всё готово к бою: сула, Арубинович и находившийся тут же совет генерала гвардейской дивизии, невольно заблуждался молодостью вправкой Мамоева. Всё на нем было пригнано тщательно и аккуратно, точно он собирает на парад, а между тем уже престоявшая тяжёлая задача — бойца в грязные плащи и атаковать немцев с фланга, Соседи перестанулись. Когда Мамоев ушёл, гвардейский генерал сказал:

— А как же иначе, — сказал командир дивизии, — Офицер, — он подчеркнул это слово, — офицер.

Советские офицеры свято хранят честь своих боевых знамен и видят в них живой символ воинской чести. Вот один из эпизодов, показывающий, как наши офицеры используют благородное влияние знамени в бою.

Высота под названием «гора Высокая» господствует над окружающей местностью. Немцы создали на ней крупный узел сопротивления, который мешал продвижению наших частей. Была выдана команда, чтобы получить приказ взять «гору Высокую». Оценив обстановку, разведка местности, Желтушев под артиллерийским прикрытием броском выдвинул свой батальон к самой высоте и велел за этим начать стремительный штурм вражеских укреплений.

Первой ворвалась на высоту рот Кузнецова. Вместо красного знамени бойца воздвигли на гробов окровавленную повязку, штык и убитого товарища.

Через некоторое время немцы вспомнились и решили любой ценой вернуть высоту. Они двинули против батальона Желтушова танки и пехоту. Гвардейцы стойко отразили контратаку противника. Связь огонь и дым была издавна виден развозачная на высоте окровавленной флаг.

Обо всем происшедшем немедленно же узнал командир поля. Он приказал послать часть полковника знамя. Под вражеским обстрелом туда во весь опор помчались два конника с гвардейским красным знаменем, и через несколько минут оно уже било на гробов высоты. Вражеский угрозной отставкой продолжал вести бой, отбывая натиск вражеской пехоты и танков.

— Умрём, но высоты не сдадим, не опозорим чести поля! С нами знамя! — крикнул офицер.

Прошло несколько часов... На полстанках к горе Высокой стояли два вражеских побитых танка, несколько орудий, тягачей и выжало более двухсот трупов немцев. Командир батальона Желтушев на высоте гордо редело гвардейское полковническое знамя.

Великий путь прошла наша Красная Армия. Советские воинамечальники показали немцам генералам, что такое оперативность, смелость, способность к быстрым действиям. Наши офицеры сбивали спесь с самонадеянных проповедников неогренимости

Фронтальные поговорки

Немец за русской землей пришёл, да могилу себе нашёл.

★

Непрощенные гости пораскидали в степях кости.

★

На Москву «Хох!»,

а от Москвы «Ох!»

★

Не пожалеем ничего, а слошим силу прусскую. Стоим один за одного, а все—за землю русскую.

★

Хотел Гитлер всем миром владеть, да придётся ему на осине висеть.

★

Эх, дуче, дуче! Не совался бы ты лучше!

★

К городу Моздок немец—больше не ездок.

★

Мёрзалоу фрицу тулуп снится.

★

Залез гад в наш сад. Что надо? Убить гада.

★

Немцу не спится: немец партизана боится.

★

Высоко немцы летают, да плохо приземляются: на куски разлетаются.

Место штыку в немецком боку.

★

Фашистскому вору всякая смерть в пору.

★

После удачного боя каша вкусней.

★

Присягой сила воина в огне боёв удвоена!

★

На то и немец с обозом, чтобы партизан не дремал.

★

Где русский конник, там немец—покойник.

★

В хорошей засаде не испытаешь досады.

★

На разведку поспешай, но в разведке не пошай.

★

Не жалей, боец, свинца на фашистского подлеца!

★

Место фрицев под гусеницей.

★

«Катюша» играет, из немцев дух вышибает.

★

Убивая фрицев больше, тебя и помнить будут дольше.

★

Если фрица уложил, честь и славу заслужи.

★

Русская мина долетит до Берлина.

Собратья А. Войда

германской военной доктрины. В 1944 году на Юге достали командиров немецких дивизий метались без штабов, потеряв управление своими соединениями и чувствами, как советские генералы и офицеры навзывают спесь волю им, воспитанникам берлинских академий.

Наши офицеры дали хорошо почувствовать немецким обер-лейтенантам и майорам силу тактики маневрирования. Прусский офицер, считавший себя вепром творения на земле и с детства ласкавший своё ухо словом «Канни», не вылезал из советского «котла». Окружение немцев частей и полков уничтожило всех, кто не гадиле оружие, стало отличительным признаком боёв, проводимых Красной Армией. Наши командиры научились соединять в своих действиях строгий расчёт с риском.

Полкомандир Веранко— один из тысяч советских офицеров, прошедших с боями победный путь от Сталинграда до государственных границ СССР, форсировавший Днепр, Буг, Днестр, Прут, окружав-

ший и истреблявший противника, говорит:— В нашем офицерском деле воля и знания являются основой творчества. Возьмём хорошего пианиста. Сидя за фортепиано, он не озвучивает тем, чтобы его пальцы пропали на нужные клавиши: это техника, это само собой разумеется. Он весь сосредоточен на выполнении своего творческого замысла. Так и хороший офицер. Вооружённый знанием техники своего дела, он имеет возможность обратиться к чистому творческому решению задачи, не размениваясь на мелочи.

Если присмотреться к тому, что стачивает работу лучшей части нашего офицерства в значительном, неизменном в истории наступлении Красной Армии, то мы видим творческий элемент во всей боевой работе советских офицеров: и в оценке позиции, и в разработке атаки, и в нанесении удара, и в расстановке артиллерии, резервов, Нет шаблона. Наши офицеры действуют дерзко, внезапно и творчески. Противника, привыкшего к схеме, к штампам, это ошеломяет.

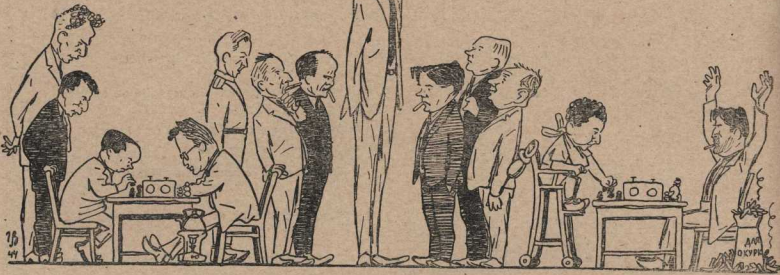
Таковы некоторые черты облика советского офицера, воина, соединяющего в себе достоинства патриота, идейного борца за правое дело с качествами умелого, закалённого в боях командира, стоящего на уровне современной военной науки, готового преодолеть любые трудности, чтобы в любых условиях выполнять приказ Верховного Главнокомандующего, Маршала Советского Союза И. В. Сталина.

«Русское офицерство по своему общему развитию и моральным качествам бесконечно выше прусского»,— так писал Ф. Энгельс ещё в 1890 году. Ныне это глубоко верно утверждение звучит ещё более пререкаемо, ибо советские офицеры, унаследовав все лучшее традиции командных килдров старой русской армии, являются притоками самой передовой в мире коммунистической военной школы, сынами свободного народа, идущего вперёд по пути побед под великим знаменем партии Ленина—Сталина.

Зарисовка Г. Валька

Заключился XIII всесоюзный шахматный чемпионат. Почти месяц продолжался ожесточенный схватки за шахматными досками. Пять гроссмейстеров и двадцать мастеров оспаривали почетное звание чемпиона страны. Наш художник поезда турфирм и счастливый участник этого литературного соревнования.

Наибольшее количество отложенных партий имел советский чемпион СССР и победитель XIII первенства гроссмейстер М. Ботвинник. Слева вы видите уловок турфирма в день догнывания. За столом — М. Ботвинник и гроссмейстер С. Фюрер. «Дождливый» очерк дописать свои партии с Юговичем мастер Г. Раинский и молодой чемпион Украины И. Болосский (за столом на турфирме 3-е место).

Посетиле стартував в турфирме самый молодой гроссмейстер СССР Василий Смаков, занявший 2-е место. Он походил острей всего. В центре — В. Смаков и его «второй» мастер А. Голд, чемпион Литовской ССР мастер В. Милошев, чемпион Азербайджанской ССР мастер В. Махширов, гроссмейстер СССР А. Югов, мастер Г. Лещинский и мастер В. Раинский.

Справа вы видите самого молодого участника турнира двадцатипятилетнего мастера Д. Брошневича. Он «не уважает отсидеть в кювет» и агрессивный юнец вынуждает к сдату гроссмейстера СССР А. Лещинского. Истинно олдтаймер, такую же силу Брошневич вынужден играть свой одного гроссмейстера — М. Болоскина.

Издательство «Молодая гвардия» выпустило в этом году ряд новых литературно-художественных произведений.

«Шестидесять лет в торжестве» так называлось недавно вышедшее на печати замечательное исследование коммуниста Зольды Вейнберга (перевод А. Шибля).

Это горький дневник автора, который начал вести в сентябре 1925 года восемнадцатилетним юношей, приговоренный судьбой Хорти к 15 годам раскулот обрза мужественного бродя-революционера, человека с пламенным сердцем и железной волей, способного перенести любые испытания на свои счастье народа.

Новая книжка — «Братья Игнатюны» — рассказывает о том, как ушли партизаны, как боролись с

фшистами и как героически погибли два юнца Герои Советского Союза Евгений и Гена Игнатюны. Автор книги — отец героя, командир партизанского отряда мидеров имени братьев Игнатюны П. К. Игнатюв.

Вышли в свет также «Сборник стихов Енисейского поэта Радуле Стывского «Служащая крепость» о героической борьбе свободоборных черноморцев с фашистскими захватчиками (перевод А. Тарковского), дневникового поэта-фронтовика Владимира Лершина и И. Сафроню «Стенные солдаты».

В скором времени издательство выпустит книжку М. Котова и В. Ласковского «Сердца сме-

лых» — художественный очерк о комсомольцах-героях Краснодара.

Сдав в печать сборник очерков «Восьмь богатырей» — прославленных детских героев Героев Советского Союза Алексея Аделихина, Михаила Болдарова, Дмитрия Глянце, Виктора Голубева, Василия Ефремова, Василия Зайцева, Александра Покрышнев и Петра Покрышнев. В предисловии к этой книге генерал-полковник авиации П. Шмаринов пишет: «Богатыри о восьми русских богатырях записывались в очне войну» а замечание, на пыломости самобыта во время смиланти опережного Советского выдвинул...» И все же читатель узнает много интересного и поучительного о том, как росла и

формировались наши герои, узнает об их боевых делах и еще больше полюбит отважных советских солдат.

В серии «Герои Отечественной войны» выходят очерки Х. Муратов «На Днепре» — о юности партизана и бойца Красной Армии Бориса Паранова, дважды награжденном орденами Красного знамени и к 18 годам уже получившем звание Героя Советского Союза, и очерк А. Татарского «Ближний Стрелец», посвященный отважному партизану Герою Советского Союза.

Скоро выйдет книга научно-фантастические и приключенческие рассказы профессора-палеонтолога И. А. Ефремова «Путь рубин». Умозрительные рассказы построены на материале научных исследований и экспедиций на Алтай, в Монголию, Якутию.

Новые книги для молодёжи

ОТВЕТЫ К КРОССВОРДУ В № 10

По горизонтали:

9. Направина, 12. Метричная, 13. Колокол, 14. Миндаль, 16. Пифагор, 16. Кувалда, 20. Вьюга, 21. Ирма, 22. Азия, 23. Титус, 25. Обломов, 27. Род, 28. Адам, 31. Арон, 34. Лив, 35. Крикун, 38. Сынко, 39. Овчар, 40. Вадим, 41. Аман, 42. Ястре, 43. Коука, 44. Троя, 45. Дьявол, 47. Нитка, 49. Медвед, 50. Атыя, 53. Колпак, 55. Шар, 56. Кавт, 58. Рат, 59. Жар, 61. Оружие, 65. Изум, 66. Трое, 67. Ток, 68. Нитка, 70. Острога, 73. Вред, 74. Помидор, 75. Камерун, 77. Стефанен, 78. Пирамидон.

По вертикали:

1. Нангильян, 2. Бродяга, 3. Ангел, 4. Син, 5. Мол, 6. Армия, 7. Огнурно, 8. Маковский, 10. Колтун, 11. Руби, 12. Молоко, 16. Крот, 17. Палея, 18. Дамба, 19. Нива, 24. Адуя, 26. Лава, 28. Драйвер, 29. Акселец, 30. Андия, 32. Ромашка, 33. Кивитка, 34. Нитка, 35. Омега, 37. Турно, 38. Топля, 48. Нива, 48. Понг, 49. Маргарита, 51. Титус, 52. Битно, 54. Кармадон, 57. Торо, 58. Гога, 60. Кардифф, 62. Рюган, 63. Кочути, 64. Цинтия, 69. Амонс, 71. Раен, 72. Хорал, 73. Бул, 78. Ниш.

В НОМЕРЕ:

- А. ЯШИН — Дружба.
Д. ЗАСЛАВСКИЙ — «Русское плуто». Я. ХЕЛМСКИЙ — Вальда о вербюде.
К. ПАУСТОВСКИЙ — Летний бор.
Вас. ЛЕБЕДЕВ-КУЧАЧ — Колхозный бригадир.
Генерал-лейтенант В. ТЕРЗИЧ — Молодая Югославия.
А. ШИЧКО — Где бывала русские солдаты.
Давидка Герой Советского Союза В. ГОЛУБЕВ — Страницы дётвой книжки.
Л. НИКУЛИН — Золотая звезда. (Продолжение).
А. КРИВИЦКИЙ — Советский офицер.
Фронтовые поговорки. Новые книги для молодежи.
Иллюстрации Г. БАЛАШОВА, Г. ВАЛЬКА.
Обложка работы художника Ираклия ТОИДЗЕ.
На вкладки: «ДУХ ПРЕДКОВ» — шкатулка работы художника И. ЗИНОВЕВА (Палея).

И. о. ответственного редактора — М. КОТОВ.

Непринятые рукописи не возвращаются.

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24. Тираж — 30 000 экз. № 433. А 5203. Подписано и печатно ВУПТ — 44 г.

Формат 21 x 110 см. 2-й п. л. За в п. л. 68 000. Тираж — 30 000 экз. № 433. А 5203. Подписано и печатно ВУПТ — 44 г.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Три Битвы года „БЛИЦ-КРИГ“

— В 1941 году! — Что бы еще завоевать?

— Куда вы меня тащите: воя и одной ногой стою в Москве.
— Молчи, дурак: другой ногой будешь маршировать на Восточный фронт!

В 1944 году! — Куда бежать?!

1. Пессимисты, не верящие в победу «фюрера», терзают голову в Берлине.

— Ты же, что говорил в госпитале?
— Я в 1941 году сказал, что война будет легкой. А ты?
— Я в 1944 году сказал, что война скоро закончится.

2. Оптимисты, верящие в победу «фюрера», терзают голову на Восточном фронте.

28/44

Комсомольцы Б. Козлов (справа) и И. Игнатович, слесари завода, где директором тов. Калинин, за сборкой земных орудий.

Фото С. Корогова.

СМЕНА

Цена 2 руб.